

Василий
Белов

когда
воскреснет
Россия?

Василий Иванович Белов
Когда воскреснет Россия?
Серия «Политические тайны XXI века»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=6055875
Когда воскреснет Россия?: Алгоритм; М.;; 2013
ISBN 978-5-4438-0276-3

Аннотация

Классик российской литературы Василий Иванович Белов (1932—2012), как истинно русский писатель, всегда остро откликался на события, происходящие в стране. Свое отношение к тому, что случилось в нашем обществе после перестройки, он высказал в публицистике. Хлесткая и горькая, она пронизана болью за судьбу разграбленной и истерзанной Родины, погибшей русской деревни, раздробленного русского народа, который лишили национальной и духовной цельности и самобытности. Предостерегая от опасности иллюзорной надежды на «перерождение» власти, Белов верил в возрождение нашего государства, в то, что русский народ наконец проснется от своей спячки. Читая публицистику писателя, интервью и беседы с ним, понимаешь, насколько актуально и прозорливо его слово, с течением времени не только не теряя своей силы, а становясь все более значимым для национального самосознания.

Содержание

Служба Василия Белова	4
Часть первая	6
Догорающий Феникс	6
Двухвековой юбилей Пушкина	11
Гримасы двуликого Януса	21
Архитектура и государство	25
Акциз	28
Спасем язык – спасем и Россию	32
Король голый...	34
Кое-что о рождаемости	36
Похвала современному депутату	42
И возникла мода	47
Древо зла	50
Окопы третьей Отечественной	53
Так хочется быть обманутым...	57
Конец ознакомительного фрагмента.	58

Василий Иванович Белов Когда воскреснет Россия?

Служба Василия Белова

Я познакомился с Василием Ивановичем Беловым в 1970 году. В составе советско-болгарского клуба молодой творческой интеллигенции (был в то время такой клуб, созданный комсомолом и делавший чрезвычайно полезные дела, одно из которых и, пожалуй, главное – правильно ориентировать в искусстве и жизни и сводить вместе молодые русские таланты) – так вот в составе этого клуба встретились мы в самолете, летевшем во Фрунзе, теперешний киргизский Бишкек, а там поселились в одном гостиничном номере. И этот день оказался днем рождения Василия Ивановича. Мы решили отметить его вдвоем и, чтобы не разглашать факт такого события, заперлись в номере. Но надолго ли хватит русского человека для сокрытия подобного факта – и уже часа через полтора дверь наша, как и душа Василия Ивановича, была нараспашку, а в номере стоял густой гвалт.

Почти все, что печаталось у Белова, я к тому времени знал. Прочитал и книжку рассказов под названием «За тремя волоками», и «Привычное дело», и «Плотницкие рассказы», и «Бухтины вологодские». Белова читала тогда вся Россия, не зная его считалось неприличным. И я, только-только начинавший писать, вчитывался в его страницы особенно внимательно, пытаюсь разгадать магию его слова.

«Деревенская литература», как мы помним, начиналась с публицистики В. Овечкина, А. Яшина, Г. Троепольского, Ф. Абрамова, Е. Дороша... Потом пошла проза тех же имен да еще В. Тендрякова, Б. Можая, В. Астафьева, необычайно богатая по слову, живая, полнокровная, народноносная, но и несколько суровая, как и сами авторы, за исключением, пожалуй, В. Астафьева, несколько «настоятельная». Василий Белов (еще Е. Носов и В. Лихоносов) внесли в нее чувствительность, нежность, особую душевность и сладость деревенской жизни.

Сколь многие тысячи, уверен, миллионы не смогли сдержать сердобольных слез над судьбой Катерины и Ивана Африкановича, над участью коровы Рогули, такого же члена их большой, спянной природным единородством семьи, и сколь многие до слез смеялись над завиральными бухтинами Кузьмы Ивановича Барахвостова и над нешуточным соперничеством, пронесенным сквозь всю жизнь, Олеши Смолина и Авинера Козанкова. Благодушно и мудро с первых же своих работ Василий Белов как бы уравновесил жизнь: сколько в ней трудностей, горя, отчаяния, столько и радостей, счастья, надежды. Можно, конечно, задаться вопросом: где они, эти благодатные слезы над могилой Катерины и над рассказами Олеши Смолина, почему не дали они урожайные всходы, если в конечном итоге все свелось к тому, что мы сегодня имеем? И где оно, благотворное и учительное влияние литературы, если густой чащей взошли развращенность и жестокость? Да ведь не нам знать, что случилось бы с людьми без этого учительства и без этой молитвы и можно ли сегодняшние нравы принимать за окончательный результат? Может быть, по-прежнему «нам не дано предугадать...».

За тридцать с лишним лет нашей с Василием Ивановичем дружбы и однополчанства в литературе я только все более убеждался в том, что удалось увидеть и разгадать в нем с первых же встреч. Чистую, почти детскую душу, для которой мир и его обитатели не могли сноситься, как у иных, до ветхости (качество для писателя бесценное), – душу, которую он точно бы и сам стеснялся в своем почтенном возрасте, маскирует ее в строгость и ворчание и никак не может замаскировать. И неизменную цепкость в наблюдениях над всем происходящим, неиссякаемый интерес к большому и малому вокруг, желание участвовать в событиях,

вмешиваться во все, что происходит не по чести и совести. Неистовость в работе, способность быть хозяином времени с помощью жесткого распорядка, талант, помимо художественного, вовремя увидеть главное и выстроить свое «собрание сочинений» в точном соответствии с импульсами духовной и социальной судьбы народа. И справедливое, нисколько не завышенное, но и нисколько не заниженное ощущение своей особливости и значимости, способность распорядиться славой не для себя, а для общего дела.

Я бывал у Василия Ивановича в Тимонихе и видел, с каким почтением и с какой любовью относятся к нему земляки, с которыми он знакомил меня, как радетельный староста, в чьем распорядке оказались хозяйственные и личные заботы односельчан. Я бывал в Тимонихе, а он дважды приезжал ко мне на Байкал и, уже защитив свои северные реки от поворота на юг, помогал защищать и наше «славное море». В Югославии перед поездкой из Пале от Радована Караджича в Сербскую Краину нас предупредили, что дорога опасна и проходит она через линию фронта, но Белов только еще упрямей сдвинул брови: поедем. За городом Брчко, обезлюдившим и затянутым дымом пожарищ, по нашему микроавтобусу принялись лупить с обеих сторон, со стороны хорватов и со стороны мусульман, а у Василия Ивановича загорелись от возбуждения глаза, когда шофер, маневрируя, то резко тормозил, когда нас брали «в вилку», то бросал вперед машину на огромной скорости.

В 1989-м мы сознательно пошли в народные депутаты, чтобы не оставаться сторонними наблюдателями того, как «перестроечную» страну терзают обнаглевшие «ястребы» и «крысы», а Василий Иванович пошел еще и в Верховный Совет. Дважды мы вместе направились на прием к Горбачеву, надеясь добиться ответа, что происходит, и Василий Иванович всякий раз прихватывал с собой с просветительской целью малоизвестные тогда книги Ивана Ильина и Ивана Солоневича. Наивные люди, мы еще питали надежду, что подобных-то знаний, вероятно, не хватает президенту, чтобы разобраться, куда править и с кем водить дружбу. Входя первым, выталкивая перед собой массивную тяжелую дверь, Белов сердито говорил Горбачеву: «Что это у вас дверь такая тугая?»

В 91-м, в начале сентября, он сказал в телекамеру, когда рассчитывали застать его растерянным и испуганным: «Сожалею, что моей подписи не оказалось под «Письмом к народу». Я и сейчас готов его подписать».

Писательство для Василия Белова – это заступничество за народ перед сильными мира сего и против подлых этого мира. Все, что написано Василием Ивановичем – от «Привычного дела» до «Канунов» и от детских рассказов до публицистики последнего десятилетия, от первой книжки стихов и до воспоминаний о Шукшине и Гаврилине, с которыми он был очень дружен, – все в воспитание, остережение и защиту своего народа. Иной службы для себя Василий Белов не знал.

Валентин Распутин

Часть первая Раздумья о дне сегодняшнем

Догорающий Феникс

С чего начиналось уничтожение вековой крестьянской культуры? Конечно, с попытки окончательного уничтожения религиозного православного сознания.

Большевики наивно предполагали, что с физическим уничтожением православных священников и православных храмов исчезнет и православное сознание. Гражданскую войну они продолжили войной против Церкви, что неминуемо привело их к новому противостоянию с русским (и не только русским) крестьянством, а, следовательно, и крестьянской культурой. Тысячи монастырей были переоборудованы в тюрьмы и концентрационные лагеря. Тысячи каменных церквей и соборов были взорваны и разобраны. Тысячи деревянных часовен были превращены либо в агитпункты, либо в ларьки для алкогольной торговли. Те культовые здания, что остались, были закрыты и осквернены.

Но храм для крестьянской общины (деревни, села, прихода) был средоточием жизни. Вокруг него формировались не только духовное поле, культурно-бытовая аура, но даже и чисто материальная, архитектурная среда. Вертикаль, венчающая деревенский пейзаж, являлась зримым, вполне осязаемым воплощением вертикали бытовой и культурной. Деревенские природно-стихийные певцы естественно участвовали в церковных хорах, изучали нотное пение, художники не только любовались церковной живописью, но и сами тянулись к творческому созиданию, к чему-то более высокому и совершенному. Суворин, редактор дореволюционной газеты «Новое время», в письме к философу и писателю В. В. Розанову напоминает, что лишить Россию православия – это все равно, что лишить каждую деревню оперного театра. (В таком сравнении чувствуется смещение в иерархии ценностей, но оставим это на совести самого Суворина.)

Одной из главных задач большевистского Агитпропа, а также Союза безбожников, возглавляемого Ем. Ярославским, было разорвать годовое кольцо православных праздников. Для этого в сельский и городской быт всеми силами внедрялись новые атеистические праздники вроде дней международной солидарности. Затем, уже при Хрущеве и Брежневем, то и дело учреждались всевозможные ДНИ, вплоть до Дня торговли, милиции, нефтяника и т. д.

Надо признать, что задача, поставленная Ярославским, не была решена. Праздники, которые русским народом праздновались со времен св. Владимира, остались в народном быту. Их можно было уничтожить только вместе с самим народом, к чему стремились большевистские культуртрегеры, что, на мой взгляд, в значительной степени и произошло.

Отмена традиционных праздников в России была всего лишь частью централизованной борьбы с крестьянской культурой, проявляющейся в земледелии, в строительстве, в художественных промыслах, в семейном укладе, в песенном творчестве и т. д. Преследовались даже традиционная народная пляска и традиционные музыкальные инструменты. Но главный удар по русскому народному творчеству нанесли клубная деятельность и так называемая художественная самодеятельность. С помощью клубов, изб-читален, «красных уголков» большевики взяли под властный централизованный контроль всю крестьянскую культуру да, пожалуй, и всю народную жизнь. Коварство заключалось в том, что клубная сцена тотчас разделила народ на исполнителей и зрителей. Если раньше такого разделения не было, если в уличном хороводе участвовали буквально все, и это не противоречило лидерству и проявлению индивидуальной талантливости, то теперь большинству народа

отводилась пассивная роль зрителей. Сцена, клубные подмостки четко противопоставили активного исполнителя и пассивного слушателя (зрителя). Эта активность меньшинства имела зачастую политический оттенок. Без уличного всенародного хора или гулянья творческие задатки большинства подсыхали на корню, вырабатывалось стойкое культурное иждивенчество. Другая (малая) часть населения, представленная так называемой «художественной самодеятельностью», развращалась под всеобщим вниманием, а под усиленным идеологическим контролем сверху быстро теряла свой культурный и творческий потенциал. С появлением радио и кинематографа клубная деятельность захирела и сузилась.

Особенно значительными оказались потери крестьянской культуры в музыкальной сфере и в сфере художественных промыслов. За короткий срок почти совсем исчезла великая стихия русского мелоса. Через кино, радио и телевидение была навязана иная музыкальная стихия, чуждая не только крестьянскому, но и всему народному духу, его менталитету, как принято сейчас говорить.

Традиция русской крестьянской общины совмещала (и очень прочно) бытовые, трудовые, религиозные, фольклорные особенности крестьянской жизни. Взаимосвязь, тесное и причудливое переплетение одного с другим, невозможность существования одного без другого – характерная черта всей крестьянской культуры. Труд не выделялся из быта в нечто самостоятельное. Все бесчисленные формы и проявления можно смело назвать трудом, и, наоборот, большинство трудовых процессов на гумне, в поле, в доме имели фольклорно-бытовые и потому неназойливые черты, благодаря чему даже тяжелый мускульный труд приобретал свойство не тяжелой обязанности, а лишь повседневной привычки. И все это сопровождалось словесным, музыкальным, изобразительным и прочим творчеством, все дополняло и усиливало друг друга, образуя прочнейший монолит народной культуры. Сложная многокрасочность, «кристаллическое», так сказать, многообразие, многогранность составляющих ничуть не вредили единству. Наоборот – содействовали. Большевики в жажде РАЦИОНАЛЬНОГО УПРОЩЕНИЯ устранили многообразие крестьянской жизни. Сократились и выцвели не одни только праздники, обеднели и сами будни. Молот технического прогресса довершил дело: крестьянская культура начала стремительно растворяться в едких растворах технической цивилизации. Коллективизация и нарочитая урбанизация, судорожная «тракторизация» и безграмотная химизация – все эти неестественные процессы были навязаны крестьянству извне, навязаны централизованно и весьма настойчиво. Насилие над крестьянской культурой, навязывание народу иного жизненного стиля, иных поведенческих мотивов отнюдь не ограничились периодом коллективизации и раскулачивания (1928—1930 гг.). Менялись лишь формы угнетения и способы грабежа. Реквизиции, расстрелы и тюрьмы дополнились лесозаготовками, трудгужповинностью, налогами и поставками.

Война, разумеется, усугубила физические и нравственные страдания русского, украинского и белорусского крестьянства, ускорила его численное сокращение. Геноцид продолжался. Методы Розенберга (его теоретические изыскания и рекомендации оккупационным немецким властям) по сути не противоречили недавним действиям Кагановича на Украине и Юге России.

После войны сидевшие в ученых и управленческих креслах наследники Троцкого – Кагановича продолжили классовую линию по отношению если не ко всему крестьянству, то по крайней мере к народной, крестьянской культуре. В экономическом смысле эти деятели лишь трансформировали политику 30-х годов. Коллективизация продолжалась на ином уровне. Шло как бы перманентное раскулачивание. При Хрущеве государство раскулачивало уже не семьи, как бывало в 28—30-х годах, а раскулачивало, объединяло (коллективизировало) уже сами колхозы. Чуть позже по рекомендации группы ученых (под руководством академика Заславской) правительство объявило НЕПЕРСПЕКТИВНЫМИ многие тысячи крестьянских селений. Что значила эта псевдоурбанизация при жесткой плановой экономике

– не так уж и трудно представить. В моем родном Харовском районе с 1950 по 1982 год число крестьян сократилось более чем в два раза (в 1959 г. было 30,5 тысячи, в 1982 – 14,5 тысячи). Примерно за это же время (плюс военное время) в Вологодской области пашенная земля (несмотря на все возрастающее количество тракторов) сократилась на 400 тысяч га, заросло кустарником 250 тысяч га покосов, площади пастбищ, по данным ЦСУ, уменьшились с 815 тысяч до 317 тысяч га.

В послевоенной деревне условия стойкой оседлости были окончательно уничтожены. Вымирание и миграция крестьянского населения настолько ослабили общинные и семейные связи, что преемственность поколений в трудовом, нравственном и художественном воспитании молодежи совершенно исчезла. Сократилось число детей в семьях. Участились разводы, стала модной супружеская неверность. Ужасающую бедность правящие круги уравнивали массовым спаиванием: эта дьявольская симметрия создавала видимость социальной устойчивости. (Цифры, характеризующие потребление полуголодным народом крепких алкогольных напитков, фантастичны). Нравственное и физическое изнурение крестьянства усилено было двойной, совершенно непосильной трудовой нагрузкой – днем надо было работать в колхозе (для содержания городов и рабочих поселков), вечером и ночью – на приусадебном участке (для собственного жизнеобеспечения). Но даже в такой обстановке, когда нечего есть, не во что обуться, когда физическая усталость и просто нет свободных минут, не обрывалось в нашем народе извечное стремление к добру и ко всему прекрасному...

Беспристрастной науке еще предстоит изучение интереснейшего явления в государственной политике пришедших к власти марксистов. Речь идет о постоянном несоответствии интересов большевистского Агитпропа экономическим устремлениям правительства. Это противоречие сказывалось повсюду и на каждом шагу. Почти все действия Союза безбожников, ЧеКа, движения «Синяя блуза», комсомола, юных пионеров и прочих более мелких подразделений Агитпропа, который насаждал так называемую «новую» и выкорчевывал так называемую «старую» культуру, шли во вред экономическому здоровью общества, хозяйственному благополучию государства. Экономические успехи, достигнутые не без помощи штурмовщины, кампанейщины, каких-то партизанских наскоков, то и дело оборачивались провалами, бесполезной тратой народной энергии.

Марксистская идеология вошла в жесткое противоречие с народной, в том числе с крестьянской культурой. Стройная многоступенчатая система идеологического оболванивания, руководимая космополитской верхушкой, опиралась на местных активистов. Умный и от природы талантливый активист испытывал мучительное чувство двойственности: на митинге говорил одно, дома или в гостях у родни – совсем иное. На семинаре в городе учат силосованию, дома в деревне приходится косить на сено и т. д. По этой причине талантливые активисты, искренне присягнувшие марксизму, частенько попадали в тюрьму, и на их месте тотчас же оказывались нечистоплотные авантюристы.

В 20—30-х годах централизованный симбиоз ЧеКа – Агитпроп родил отвратительную систему рабкоровского движения. Полуграмотные и нравственно ущербные люди, оказавшись в тайных списках рабкоров, писали в редакции газет обычные доносы. Эти подлые сообщения печатались в газетах без подписи под различными псевдонимами. Такие печатные сообщения сопровождалось немедленными репрессиями, реквизициями и даже расстрелами. От одной безграмотной записки какого-нибудь «Гвоздя» или «Шила» начиналась в сельской общине цепная реакция злобы и ненависти. Нравственные противоречия между честными и жуликами, между трудолюбием и ленью большевистская пропаганда выдавала за классовую борьбу в городе и в деревне.

Наряду с физическим развращением молодежи (спаивание, свобода добрых половых отношений, аборт) происходило развращение иного рода: нравственная порча духовно

крепких, давно сложившихся личностей, например, ИСКУШЕНИЕМ ВЛАСТЬЮ. В понимании русского крестьянина личная власть – весьма опасное дело. Здравомыслящий человек никогда к власти не стремился. Лишь в том случае, когда крестьянский сход (мир, общество) ПРИГОВАРИВАЛ человека к власти (староста, бригадир, председатель колхоза), лишь в таких вынужденных случаях духовно не опустошенный человек соглашался стать местным лидером, руководителем, т. е. обладающим властью. Разница между нравственным и безнравственным человеком весьма определенная, если говорить о личной власти: один искренне всеми силами отказывается, когда его ставят, например, в бригадиры, другой же напрашивается сам (либо стремится стать бригадиром тайно, с помощью интриг). Мир же (крестьянский сход, общее собрание) – прекрасно чувствует эту разницу и всеми известными ему средствами стремится поставить в начальники именно первого, а не второго. В нормальных условиях обуреваемый тщеславием и жаждущий власти замолкает, а между крестьянским сходом и крестьянским избранником происходит короткая, но достаточно драматическая борьба, похожая на ритуал крестьянской гостебы, когда хозяин, поднося чарку, изо всех сил потчует гостей, а гости всячески отказываются пить (выигрывают все, а более всего – народная нравственность).

Древнейшие традиции крестьянского схода были вначале извращены с помощью института уполномоченных, затем и вовсе похерены, когда удобные и компактные хозяйства правительство объединило в громадные неуправляемые или перевело в совхозы, где, как на фабрике, действует непререкаемая власть директора.

От русского схода ничего не осталось, поскольку совхозные собрания проходили под руководством районных уполномоченных и милиционеров. Председатель колхоза был фигурой вполне трагической, потому что находился между антинародной властью и самим народом. Народ стремился поставить в руководители честного и опытного, но честный человек вынужден был обманывать вышестоящую власть. Иначе он бы не мог сохранить народное доверие и народное уважение. Такой человек либо очень скоро уходил с поста, либо развращался. Искушение властью выдерживал далеко не каждый. Поэтому в колхозах царила хозяйственная неразбериха, процветала кадровая обезличка, вызванная постоянной сменой кадрового руководства. Так, в моем родном колхозе за период с 29-го года по 70-й побывали в председателях более тридцати человек. Они сменялись чуть ли не ежегодно, причем вовсе не обязательно на годовом отчетном собрании. Колхозная действительность то и дело опровергала старые истины вроде той, что «на переправе коней не меняют». В деревне Тимонихе еще до войны в бригадирах побывал едва ли не каждый мужчина. (После войны бригада в Тимонихе исчезла, т. к. сократилась, а мужчины погибли, ни один с войны не вернулся.)

Итак, новая марксистская идеология оказалась для крестьянства смертельной, она и вытеснила древнейшие разнообразнейшие проявления крестьянской культуры. От христианского прихода ничего не сохранилось, от крестьянской общины остались одни отголоски, жалкие и тем не менее жизнеспособные росточки мощной и самобытной культуры.

Церковные и бытовые обряды, народные обычаи, существовавшие еще с дохристианских времен, копившиеся веками трудовые навыки, ремесла и художественные промыслы – все это было или уничтожено, или обескровлено. Священника на селе заменил комиссар (позднее – парторг). Крестьянский сход уступил свое место митингу.

Индивидуальное соперничество в быстроте и качестве труда Сталин умело использовал для внедрения потогонного соцсоревнования, которое очень быстро выродилось в бессмысленную погоню за дурным количеством.

Возрастная и семейная иерархия подверглась дискредитации и осмеянию на государственном уровне. Женщин изо всех сил пытались противопоставить мужчинам, молодежь – старикам, детей – родителям.

Нравственные понятия извращались даже с помощью экономических рычагов (налог с холостяков). Вспомним частушку недавних лет.

Задуманная подруга,
До чего мы дожили:
Которо место берегли,
На то налог наложили.

Нынче способы уничтожения народной крестьянской и вообще национальной культуры завершились полной механизацией идеологической обработки. Кино, радио и телевидение сделали ненужными «красные уголки», «стенгазеты», «черные» доски. Теми же электронными средствами была свершена стремительная подмена богатейшей музыкальной и песенной крестьянской культуры эрзацами культурной химеры.

Произошло отчуждение народа от собственных культурных источников, и это отчуждение сродни отчуждению крестьянина от земли. В культуре, да и вообще в жизни, появились уже элементы и признаки резерваций, когда подлинным и массовым ценностям национальной (крестьянской) культуры придается как бы музейный, т. е. частный характер.

Внимательному наблюдателю нынешнее состояние дел в стране не внушает пока оптимизма: демократический натиск на крестьянскую культуру ничуть не слабее коммунистического.

Погром все еще продолжается.

Явственно видно, как догорают последние золотые перья сказочной птицы Феникс...

Двухвековой юбилей Пушкина

«Емеля, Емеля! – думал я с досадою. – Зачем не наткнулся ты на штык или не подвернулся под картечь? Лучшее ничего не мог бы ты придумать».

А. С. Пушкин. «Капитанская дочка»

Не так давно, чтобы обмануть бдительных демократических цензоров, покорный ваш слуга пошел на мелкую хитрость: вздумалось ему с помощью «Парламентской газеты» привлечь внимание законодателей к Льву Александровичу Тихомирову. Затея была не столько забавна, сколько бесполезна. Депутатам не до государственного строительства... Читать такие толстые книги им лень, да и времени нет. Но кто знает? Из нескольких сот современных политических деятелей, патриотов-депутатов и губернаторов, болеющих за судьбы России, может быть, хоть один-два внимательно прочтут книги Тихомирова, изданные журналом «Москва». Нельзя сказать, что в современной России совсем не издаются нужные и толковые книги. Но фигура умолчания зловеща, хотя и кратковременна...

Л. А. Тихомиров говорил, печатаясь в журнале «Русское обозрение» и полемизируя с русскими либералами еще в конце XIX века (то есть более ста лет назад): «...от варварского очарования внешним блеском культуры у нас обыкновенно оказывались способны отрешаться только крупнейшие наши люди – Герцен, Достоевский, граф Л. Толстой». Этот список, конечно, можно было начать с великого Пушкина, двухвековой юбилей которого Россия пытается праздновать. Почему использовано слово «пытается»? Можно бы всерьез поспорить на эту тему... Отложим спор до лучших времен. А пока отметим, отпразднуем этот величайший юбилей настолько, насколько мы в силах... Беда в том, что русские вообще относятся к юбилеям спустя рукава.

Поезжайте в любую сторону сильно урезанной современной Руси! Человека, не помнящего, сколько ему лет, вы встретите в любом городе, в любой деревне. Спросишь: «Бабушка, сколько тебе лет?» – «А Бог знает», – скажет она, носом пошмыгает и начнет вспоминать, кто крестил, да какая шла война, кто из родных сам пришел домой, а кого привезли, а кто так там и остался. Отец, муж или брат родной тотчас встревожат старухе чуткую, даже острую память, но сколько ей самой лет, она так и не вспомнит. Все ее круглые даты, то бишь личные юбилеи, пролетали мимо нее. Пословица «счастливые часов не наблюдают» произошла очевидно от этого свойства простонародного быта, но сказать, что старуха прожила счастливую жизнь, было бы явной натяжкой. Да и что значит «счастливая» жизнь? Сие тоже еще неизвестно... Равнодушие православного человека к своему возрасту непонятно для русских атеистов из «культурной», интеллигентной среды, ежегодно отмечающих свои дни рождения. Иностранцы же, особенно те, что подобно Адольфу Кюстину, приезжают в Россию с неблагоприятными целями, считают такую «забывчивость» признаком «русского варварства». Другой Адольф оказался пострашней Кюстина. Пушкинскую «Капитанскую дочку» этот также вряд ли читал, а если и читал, то ничего в ней не понял. (Один Савельич растолковал бы фюреру о русском характере больше, чем Кант и Ницше вместе взятые.) Да что говорить про закордонных ницшеанцев, если и сами-то русские патриоты подзабыли Савельича, Петрушу Гринева, капитана Миронова! И студентам прославленных университетов, и думским говорунам, и академическим философам простодушно кажется, что все это они давно знают, проходили, дескать, еще в семилетней школе.

Само собой, наплевать бы нам подряд на всех адольфов, но вспомним, что и у «варваров» России, и у «цивилизованных» европейцев отсчет времени идет с Рождества Христова. Не знаю, как считают свои века буддисты, магометане, евреи, а христиане отсчитывают свои

века именно так. Сказать иначе, с того момента, когда в пещере, среди домашних животных девою Марией рожден был Богочеловек. (Читай о веках у митрополита Иллариона в его «Слове», переложенном на нынешний язык Юрием Кузнецовым.)

Православный пастух (он же и хлебопашец) в трудовом годовом цикле ориентировался постами. Время именовалось неделями. Горожанин также мерил свою жизнь неделями, вернее, промежутками между двенадцатыми праздниками. Каждый день в неделе ознаменован был именами святых мучеников и страстотерпцев. Но поскольку в основании православной веры всегда лежала борьба с многочисленными страстями, то день рождения младенца и называется Днем Ангела. Иногда родители, не соглашаясь со святцами, выбирали ребеночку другое имя, и тогда день рождения не совпадал с Днем Ангела. Однако отмечали всегда не дни рождения, а именины. Имя святого, данное человеку во время крещения, свято чтилось и сопровождало каждого до гробовой доски, уж таково наше русское «варварство»... До того ли было христианину – хлебопашцу и пастуху, чтобы праздновать свои круглые даты, считать, сколько прожито лет, отмечать свои юбилеи? Иное дело дни святых либо царствующих монархов.

Унаследовавшему крестьянское отношение к своему возрасту, мне всегда казалось, что празднование юбилеев – занятие суетное. Примерно так думалось и о писательских юбилеях. Ничего, бывало, не стоило пропустить, не заметить среди будней любую круглую дату, например, толстовскую или тютчевскую. Только не пушкинскую!

Интерес к русским и зарубежным писателям у меня все время менялся. Так, еще в юности увлечение Салтыковым-Щедриным вдруг исчезло, сменилось полнейшим к нему равнодушием, если не сказать больше. Меняется этот интерес и сейчас, порою довольно резко и очень часто в худшую сторону. Подобная метаморфоза произошла в свое время с Маяковским. (Точнее, со мной.) Место, занимаемое Вл. Маяковским в моей душе, неожиданно занял Есенин. Впрочем, почему неожиданно? Просто после долгого замалчивания и шельмования, Сергея Есенина начали понемножку печатать и пускать на библиотечные полки. Тогда же примерно я расплевался с Беранже, Сельвинским, Багрицким и т. д. Но и к Есенину впоследствии я не то чтобы охладел, а как-то об него... в некоторых местах подзапнулся. С Блоком, Достоевским и Тютчевым вышло как раз наоборот.

В чем причина такого непостоянства?

В детстве смена симпатий зависела от книжного и хлебного голода, от потухшей вечерней лампы, от утреннего угара в зимней избе. Иными словами, от случайностей. Мои сверстники научились, положим, читать и при лучине, если она была березовая. (Соседский мой тезка Вася Дворцов потерял из-за этого зрение.) Но мы страдали больше не от лучинного едкого дыма, страдали больше от того, что книг вокруг не было столько, сколько хотелось. Добывались они подчас вполне детективными способами. То, что попадалось, то немедленно и поглощалось, независимо от угара в избе. Читалось все, вплоть до родословной колхозных быков-производителей или сельповского преискуранта. Злополучная история с радищевским «Путешествием» где-то уже рассказана мною, пушкинская статья подтвердила мое детское мнение об этом писателе, и я начал тщеславиться, задрал нос, но Пушкин же меня и одернул позднее:

Зачем же так неблагоклонно
Вы отзываетесь о нем?
За то ль, что мы неугомонно
Хлопочем, судим обо всем,
Что пылких душ неосторожность... т. д.
«Евгений Онегин»

Непостоянство объяснялось не только случайностями колхозной жизни, принадлежащими детству. В ранней юности читательские интересы менялись уже не столько от все большей свободы книжного выбора, сколько от стихийно крепнущих эстетических устремлений. Одно другому, кстати, не мешало, а как раз друг дружке содействовало, так и просятся на язык не русское слово «корреляция».

Одних писателей я уже крепко любил, других так себе, но и любимых авторов, как ветреная дамочка, мог разлюбить в любую минуту. Третьи вовсе не трогали моего сердца и лишь значительно позже становились полновластными его хозяевами. В шестом классе я мог порвать с некоторыми «захватчиками», зарождалось качественно иное чтение – критическое.

С такой возможностью и читались уже все последующие книги. Больше того, началось сопротивление каждому автору. Внутренне, неосознанно, оно ощущалось и до того, то есть в начальной школе. Теперь это сопротивление стало уже осознанным. Виновниками такой перемены оказались многие персонажи, вроде жаровского гармониста (как его? Тимошка, что ли?), горьковского Челкаша.

Маяковский чистил себя «под Лениным». Станный, впрочем, способ интеллектуальной гигиены! Подмял он, Маяковский, меня под себя основательно еще в детстве, и я с трудом выбирался из-под такого верзила. Подсобил в этом не кто иной, как А. С. Пушкин.

В зрелые (солдатские) годы я был свободным от всех авторов, от всех писателей, даже весьма талантливых. По крайней мере, так мне казалось, что свободным. Померк тогда аж сам Горький. Приходили и уходили Некрасов, Толстой, Лермонтов, Достоевский. Один Пушкин был бессменным постояльцем в моей душе, «оккупантом» моего сердца и головы! Одному ему я почти никогда не сопротивлялся! Он был как воздух или питьевая вода, без которых не проживешь. Сопротивляться Пушкину? Затея вообще дикая, бессмысленная, она не приходила даже в голову. Лишь Александру Сергеевичу я стал вечным рабом, он как Бог владел мною еще тогда, когда меня не существовало на свете!

...Уже несколько лет прошло, как умерла Анфиса Ивановна, а мне все еще кажется, что матушка жива, что с нею мы просто в разлуке, что я от нее уехал и живу в другом городе. Стоит лишь сесть в поезд и приехать к ней, мы с ней опять и поплачем, и посмеемся. То же ощущение с Пушкиным, как будто он живет во плоти и можно позвонить ему в любой день, как звоню я друзьям в Краснодар либо в Иркутск...

«Имея мало истинной веры, он имел множество предрассудков», – сказано о герое «Пиковой дамы». Когда-то я боялся и не любил эту повесть... Теперь все воспринимается по-иному. Четкая мысль о рабстве, ненавистная для атеиста (а в этом ранге я прожил половину своих шестидесяти), родилась только теперь, то есть задним числом. И я, не стыдясь, говорю о таком божественном рабстве. Не без помощи Пушкина отделил я и понятие веры от знания!

Человек мыслящий еще не значит, что он уже верующий, веру невозможно проверить мыслью, она, вера, выше мысли и чувства, вместе взятых, она ничем не может быть объяснима. Рациональному уму делать тут совсем нечего... Говоря грубо и коротко, с помощью Пушкина я медленно выкарабкивался из-под марксистской тяжести.

* * *

Еще не читана «Капитанская дочка», не говоря про «Евгения Онегина», а «Гавриилиада» уже побывала в моих руках. Заботливо подсунутая Луначарским мальчику-мечтателю, она, разумеется, сделала свое черное дело. Как это получилось? Для чего? Далее надвинулась на подростка небезызвестная Ниловна, начали морочить голову смутные сны Веры

Павловны. В армейские, самые плодотворные годы, осенила меня зловеющая тень Писарева. Наконец явился сам Евтушенко...

Рапповские университеты и заклинания диссидентских писателей, увы, не подсобляли жить нашему поколению. Мы двигались во многом наощупь, лишь сердцем чуя, где свое, где чужое. Интернациональные кандалы не давали ступить шагу, чужебесие ядовитым туманом висело над всеми нами.

Что бы мы делали без Александра Сергеевича!

Подражая Николаю Первому, простившему Пушкину «Гавриилиаду», забудем и мы его юношеский атеизм. Пыл карбонария он умерил в себе сам, без чьей-либо помощи, не предав при этом ни идеалов свободы, ни погрязших в масонстве друзей-декабристов:

Безумных лет угасшее веселье
Мне тяжело, как смутное похмелье.

Не странно ли, что с годами, с выбором чтения, в том числе и пушкинского, я постепенно превращался в идеалиста? Жаль, что не произошло этого раньше... Если же говорить о свободе, то зададимся хотя бы таким вопросом: кто более свободен, идеалист или материалист? Можно было и не освободиться из жестких объятий безбожной догмы, которую называли свободой наши менторы. Можно было кое-что делать и будучи скованным истматом и диаматом. Не думать ни о смерти, ни о бесконечности мира. Можно было бы даже кое-что делать, считая себя творцом, сочинять и тешить себя, как тот пушкинский чижик:

Забыв и рошу и свободу,
Невольный чижик надо мной
Зерно клюет и брызжет воду,
И песнью тешится живой.

В этом стихотворении про несвободного чижика всего четыре строки...

Разумеется, в детстве, и даже в юности, нашему поколению Лев Тихомиров с Иваном Шмелевым не попадались. Попадался и довольно часто «Мистер-твистер» либо какой-нибудь «Мойдодыр», либо «Тянитолкай». Хорошо, что у Лукоморья вокруг мощного дуба бродил уже по цепи кругом ученый кот. Думал я, дивился, какой же большой этот ученый кот, если ходит по цепи. Рисовал я его на газетных полях, потому что тетради себе мы шивали из газет. Следы невиданных зверей, белку с орехами я дорисовывал в своем сердце, забывая, что все это Пушкин... И тридцать прекрасных витязей уже выходили чредой из моря, и плескалась уже в этом море золотая рыбка, и мальчишка уже возил свою Жучку в салазках, и гусь на красных лапках ступал «на лед, пытаясь плыть по лону вод». Пушкин бесстрашно боролся в моей душе с Чуковскими всех мастей. И, разумеется, побеждал.

В детстве испытывал я необъяснимую, неосознанную обиду за умершего от раны Александра Сергеевича. В юности эта обида была осмыслена через стихотворение Лермонтова. Как ни странно, мы даже учили эти стихи наизусть. Традиции русского просвещения были еще не совсем загублены, хотя горечь и гнев против убийц Пушкина враги России искусно направили против царя и «толоконного поповского лба» – русский народ был облапошен. Оказалось позднее, что и царь был облапошен. Иначе почему Николай Первый терпел около себя таких мерзавцев, как Нессельроде? Ведь этого проходимца государь сделал аж государственным канцлером.

В седьмом классе, помнится, учили мы наизусть стихотворение «Песнь о вещем Олеге». Тяжеловесная славянская лексика не мешала детскому восприятию. Однажды мой одноклассник Евсташа Ларионов на большой перемене вбегает в класс и торжественно заяв-

ляет: уроков больше не будет. А веселый Коля Задумкин ехидно произносит: «Ох, Ларионов, презреть бы твое предсказание». Евсташку голод и холод, пережитые в детстве, давно загнали в могилу, а Коля Задумкин жив, но ознобленный чернобыльской пургой, мается от радиации где-то на чужбине.

Иногда при случайном чтении стихи Майкова, Баратынского, Фета, Тютчева мы восторженно приписывали Пушкину и даже слегка разочаровывались, когда узнавали об истинных авторах. Так велико было «магнитное поле» вокруг Пушкина! Он, и будучи в могиле Святогорского монастыря, созидал русскую поэзию. Сколько народу эхом отозвалось на его краткую жизнь, ослепительно вспыхнувшую во имя России, звучащую по сие время в иных глаголах!

Ревет ли зверь в лесу глухом,
Трубит ли рог, гремит ли гром,
Поет ли дева за холмом —
На всякий звук
Свой отклик в воздухе пустом
Родишь ты вдруг.
Ты внемлешь грохоту громов
И гласу бури и валов
И крику сельских пастухов —
И шлешь ответ;
Тебе ж нет отзыва...

Нет, Александр Сергеевич, отзыв был, и он никогда не исчезнет...

За Пушкина и сейчас обидно чуть не до слез... Кто провоцировал его на дуэль? Наука не спешит с выяснением. Почему петербургская знать не оценила Пушкина при жизни? Отчего и Вересаев, и Щеголев сочинили не очень чистоплотные книги? Зачем брат Чайковского сам придумал стихи для оперного либретто? Словно в «Евгении Онегине» мало было нужных строк... Теперь широкая публика судит о романе по стихам либреттиста, а не по самому Пушкину. Не такой уж и безобидный этот эпизод в истории нашей культуры. Ведь Александр Сергеевич говорил иначе, чем поется в опере:

Любви все возрасты покорны;
Но юным девственным сердцам
Ее порывы благотворны,
Как бури вешние полям;
В дожде страстей они свежают
И обновляются, и зреют —
И жизнь могущая дает
И пышный цвет, и сладкий плод.
Но в возраст поздний и бесплодный,
На повороте наших лет,
Печален страсти мертвый след:
Так бури осени холодной
В болото обращают луг
И обнажают лес вокруг.

Согласитесь, что это нечто иное, нежели то, что звучит в арии Гремина. Гениальная музыка Чайковского, конечно, созвучна гению Пушкина, однако либретто делает ему дурную услугу.

Миллионам русских и зарубежных меломанов не мешало бы знать наизусть двадцать девятую главу «Евгения Онегина».

Но и при жизни вспыльчивый поэт часто молчал, когда испытывал сердечные раны, наносимые друзьями и родственниками. Он умел прощать даже дальних недоброжелателей, если те подавали хоть малую надежду поумнеть.

Рапповские критики чекистскими способами делали из него яркого атеиста, он же тихо, постепенно внедрял в наши сердца религиозное чувство. Быть может, такими стихами, как строки про двух ангелов, он формировал и собственный нравственный облик? Кто знает... Во всяком случае он и по сей день влияет на нас в этом смысле. Для меня, например, он сам был и лицом, и университетом. Происходило это незаметно, без всякого напряжения, без обоюдных усилий, нежно и ненавязчиво.

Как это свойственно одному ему: с друзьями он порывист, восторжен («Уже двенадцать часов, а мы ни по рюмочке!»), с женой нежен и откровенен. С царем он так же искренен, как с младшим братом. К любовнице он снисходителен, как снисходителен к не шибко умному вельможе и к не очень удачливому стихотворцу. Пушкин буквально во всем легко находит золотое сечение, верный тон и безошибочное суждение.

Со всеми он говорил достойно и честно: с друзьями, с врагами, с женщинами, с архиереями, с царями и полководцами.

«Какая же ты дура, ангел мой!» – говорил он жене в своем письме, отнюдь не предполагая, что потомки, спасая жандармские традиции, будут читать его семейную переписку.

А какое многообразие психических, даже физиологических состояний! Политические, бытовые, религиозные, философские проявления жизни – и все это пронизано поэзией, умом, чувством. В горячке он стреляется даже с друзьями, с царем говорит правду в глаза, при выяснении обстоятельств великодушно отказывается от дуэлей.

Честь и достоинство, горячность и вспыльчивость так странно уживаются в нем с благородным молчанием при бестактных выпадах недоброжелателей и недоброжелательниц. Не стеснялся он извиниться, когда обижал ненароком своих знакомых. Свойство во что бы то ни стало при любых обстоятельствах быть справедливым не присуще людям средним, хотя и талантливым, один Пушкин обладал этим свойством.

Был, однако, и для него предел благородной сдержанности: преднамеренных оскорблений он не терпит и презирает доносчиков:

Не то беда, что ты поляк:
Костюшко лях, Мицкевич лях!
Пожалуй, будь себе татарин, —
И тут не вижу я стыда;
Будь жид – и это не беда;
Беда, что ты Видок Фиглярин.

Как легко, как свободно ложился Пушкин в целомудренную, ничем не оскверненную детскую память:

Что ты ржешь, мой конь ретивый,
Что ты шею опустил,
Не потряхиваешь гривой,
Не грызешь своих удил?

Или: «Сижу за решеткой в темнице сырой».

Или: «Подруга дней моих суровых».

Или: «Сквозь волнистые туманы пробирается луна».

Помню, очень было обидно, если оставляли после уроков. (Надо было топтать домой семь километров по бездорожью.) А тут загнали однажды всю школу в один класс, и учительница по литературе Людмила Александровна Перьева начала вслух читать повесть Пушкина «Выстрел». Самые нетерпеливые, самые голодные озорники затихли и надолго перестали ерзать. Это было нечто иное, чем «Прощай, немытая Россия». Как позже выяснилось из статьи Владимира Бушина, написана «эта Россия» не Лермонтовым, а неизвестно кем. Автографа во всяком случае не существует.

Меткие «выстрелы» делал Александр Сергеевич, ничего не скажешь! Голодные пятиклассники сидели, как замороженные. В повести «Выстрел» и всего-то страниц двенадцать. «Рославлев» тоже не больше, а в «Капитанской дочке» – сколько страниц, господа современные критики? Но как прекрасны и точны пушкинские сюжеты, как возвышенны чувства, как чист и целомудрен язык! Вот бы так и нынешним писателям...

Целомудрие Александра Сергеевича вообще изумительно, духовная гармония соблюдена даже в самых трагических («Пир во время чумы»), иногда и не очень симпатичных сюжетах (как в «Дон Жуане» или в «Скупом рыцаре»).

Даже путевые очерки читаются с захватывающим азартом. Откроем «Путешествие в Арзрум», там южный воздух «кипит» и нравы вооруженных горцев тоже кипят, как в наши дни. Пушкин замечает: «Недавно поймали мирного черкеса, выстрелившего в солдата. Он оправдывался тем, что ружье его слишком долго было заряжено».

У Пушкина ничего нет лишнего и ничего неуместного, даже в незавершенных рукописях. Всеядным его тоже нельзя назвать, он был разборчив и строг, он безжалостно выбрасывал не только абзацы, но иногда множество страниц, чтобы соблюсти композицию или не дать лишнего повода для зубоскальства неумных и злобных критиков.

Старуха в «Сказке о золотой рыбке», пожелавшая стать папой римским, ограничилась «морскою владычицей» – этот кусок с папой Пушкиным выброшен. Из «Путешествия в Арзрум» автор без сожаления убрал великолепную сцену встречи солдат-земляков. Одни казаки, служившие три года, возвращались домой с Кавказа, другие туда направлялись. Увидав эту встречу, Пушкин интересуется семейными новостями, сочувствует тем, кому жена изменила:

«– Каких лет у вас женят? – спросил я.

– Да лет четырнадцати, – отвечал урядник.

– Слишком рано, муж не сладит с женою.

– Свекор, если добр, так поможет. Вон у нас старик Суслов женил сына да и сделал себе внука».

Кто из современных прозаиков смог бы пожертвовать подобной сценой в рассказе или простом очерке?

Укажите хотя б одного, и я тогда соглашусь, что русская литература еще не совсем опозорилась.

Число пушкинских лицеистов выросло в наше время до грандиозных размеров...

Не институт на Тверском бульваре, а Пушкин выталкивал на писательскую стезю, один он удерживал многих на этой скользкой дорожке. Только все ли мы и денно и ночью помним его бессмертный завет:

Веленью божию, о муза, будь послушна.

Обиды не страшась, не требуя венца,

Хвалу и клевету приемли равнодушно
И не оспоривай глупца.

Он же, А. С. Пушкин, божественными, но в то же время и земными словами будил сонное сердце во дни унылого малодушия. Не устами ли Пушкина самим Творцом велено каждому, владеющему умом и природным даром?

Восстань, пророк, и виждь, и внемли,
Исполнись волею моей
И, обходя моря и земли,
Глаголом жги сердца людей.

Притча о зарытом в землю таланте особенно целебна для русских, склонных из самоуничтожения оправдывать собственное бездействие. Не удержусь от скучной сентенции: именно такая жизнь очень скоро становится жизнью ленивой, и тогда вдохновение свыше не слетает ни к прозаику, ни к поэту. А что такое это самое божественное вдохновение? Пушкин тоже, видимо, грыз гусиные перья, но как никто другой изведаль это высокое состояние души.

А. К. Толстой говаривал, что вдохновение является на зыбкой грани яви и сна, в полусне:

Лови ж сей миг, пока к нему ты чуток,
Меж сном и бденьем краток промежутков.

А. С. Пушкин сказал бы о вдохновении совсем по-другому, он связывал это состояние с призывом небес:

Пока не требует поэта
К священной жертве Аполлон...

Вероятно, один Федор Тютчев был самым лучшим охранителем треножника, «в детской резвости» колеблемого толпой.

Как только ни пытались погасить этот треножник, этот чистый и спасительный жертвенник! Коптящий, едкий дым рационалистического прогресса затмил знаменитую оду Гаврилы Державина. Пушкин возродил и обвешил державинскую стезю, но уже моему поколению пришлось зубрить «Эстетические отношения» Чернышевского. Больше на стеллаже никого не было: ни Достоевского, ни Леонтьева, ни Ивана Ильина.

Русская эстетика, повергнутая ниц еще в XIX веке, возрождалась медленно, туго. Хорошо, что хоть как-то она сохранилась. Л. А. Тихомиров в статье памяти Говорухи-Отрока о возрождении подлинной, то есть эстетической, критики писал: «Мерило прекрасного есть вечное... Только ощущая в себе голос «вечного», он (художник. – В. Б.) творит художественное... Ни красота, ни правда не умирают, и только то есть красота и правда, что не умирает. Собственно говоря, и красота, и правда, и жизнь – разные названия одного и того же явления, которое, в свою очередь, есть не что иное, как проявление Божества».

Но либералы и прогрессисты и сто лет назад не могли допустить, чтобы русская молодежь читала и перечитывала вслед за Чернышевским Льва Тихомирова. Был, правда, и Лев Толстой, все равно тогдашнее русское общество заражено было проказой чужебесия, которую так презирал А.С. Пушкин. Эстетическими законодателями в русском обществе были и при Тихомирове такие западные писатели, как, например, Эрнест Ренан, который в пре-

дисловии к своей трагедии писал: «Не претендуя создавать художественную драму, я хотел только создать нечто в роде драмы. Форма драмы – самая лучшая в литературе».

Можно представить, что сказал бы Пушкин о таком драматурге, примеряющем лавровый венок Шекспира!

А что бы сказал А. С. Пушкин в связи с неумной шумихой, поднятой по поводу слова жид и генерала Макашова? Поэт пользовался этим словом, как в стихах, так и в прозе, подобно Гоголю, Лермонтову и другим классикам. Какова разница между словами жид и еврей? Не грозит ли и слову еврей та же участь, что и слову жид, которое превратилось почему-то в ругательство?

Архип Лысый – доморощенный поэт из «Села Горюхина» мог писать стихи не только правой, но и левой рукой. Подобно Архипу, Пушкин мог бы, вероятно, и левой ногой написать убийственную эпиграмму на кого угодно, хоть на царя, хоть на жида. Даже мата он не боялся (прочтите вторую строфу из «Телеги жизни», если возникнет сомнение).

История же Горюхина – это история России в нынешних обстоятельствах. Сначала «мрачная туча висела над Горюхиным, а никто об ней и не помышлял». Но вот «въехала в село плетеная крытая бричка, заложённая парюю кляч едва живых; на козлах сидел оборванный жид...»

Далее описывается правление нового приказчика. Приезжий рассуждал так: «Чем мужик богаче, тем избалованнее, чем беднее, тем смирнее». «Он потребовал опись крестьянам, разделил их на богачей и бедняков...» «Мирские сходки были уничтожены... Сверх того, завел он нечаянные сборы...» «В три года Горюхино совершенно обнищало... Горюхино приуныло, базар запустел... Ребятишки пошли по миру». Чем не ельцинская перестройка?

Перечитайте «Историю Горюхина» и сами увидите... А как таинственна замысловатая птица, начертанная гениальным пером в рукописи вместо заставки! Петух или коршун? Похожа ли она на самоуверенного стервятника, решай сам читатель.

«Горюхино» не было закончено. Рукопись с заставкой опубликована после гибели Пушкина. Сюжет с историей горюхинского села чисто русский, и завершён он, я думаю, не кем иным, как Н. А. Некрасовым в поэме «Кому на Руси жить хорошо» в главе о Савелии – богатыре святорусском, который

..в яму немца Фогеля
Живого закопал...

Для всех, чувствующих Россию и не поверхностно владеющих языком нашим, Пушкин многолик и неподражаем. Необходим он и для самых малых деток («Белка песенки поет да орешки все грызет»), и для самых старых и мудрых («В степи мирской»), для больных («Я ускользнул от Эскулапа»), для впервые влюбленных девиц («Ты вянешь и молчишь»), для ловеласов («Дриаде»). Незаменим Пушкин для солдат и спортсменов, для студентов и генералов, для депутатов и бандитов, для цыган и банкиров... Нет в мире сословия или ранга, которых он не коснулся бы и не увековечил. Даже гадалки и ведьмы присутствуют в его прозе и поэзии, и попробуй их выкинь из пушкинских страниц. Не выкидываются!

За что ни возмись у Пушкина – все ясно и чисто, хоть сказка, хоть стихи о любви, хоть историческое раздумье...

Не будем сейчас вспоминать его статьи, письма, записи, оставим пока в покое такое произведение, как почти публицистическое гневное обращение к клеветникам России. А «Свободы сеятель пустынный» или «Дар напрасный, дар случайный»? Каждая строчка из подобных пушкинских сочинений взывает к нашему сердцу, к медленным размышле-

ниям. Но зачем отнимать последний хлеб у записных критиков, литературоведов, историков? Нескладная моя статья лишь малая дань великому российскому юбилею...

Гримасы двуликого Януса

И совсем не случайно к январю, первому месяцу года, прилепилось его бессмертное имя. Увы, увы, как говорится... Двуликий Янус олицетворял у древних концы и начала. Входы и выходы. Войну и мир. Прошлое и будущее. Как видим, все и вся, но обязательно в паре противоположных понятий. (По-видимому, римляне были намного ближе к Гегелю, чем нам представляется.)

Обзывая научно-технический прогресс Двуликим Янусом, можно ли избежать той опасности, что тебя самого тотчас не обзовут либо ретроградом, либо мизантропом, либо еще как-нибудь? Очень трудно избежать этой опасности, хотя двуликость научно-технического прогресса очевидна. Человечество настолько заморожено этим научно-техническим прогрессом, настолько оно забыло о прогрессе нравственном, что исчезает, как мне кажется, и само понятие прогресса.

Христианство не зря связывает двуличие с дьяволом. Здесь речь о нравственном двуличии. Математические же и кибернетические свойства пары, плюса и минуса, сочетания и взаимодействия этих пар позволили создать грандиозные компьютеры, способные моделировать самих себя, а заодно и нас с вами. И еще не известно, чего в этом больше, хорошего или плохого. Да и как не вспомнишь тут апостола Иоанна, его откровение, восемнадцатый стих из главы тринадцатой?

Говорить о взаимоотношениях научно-технического прогресса и христианской (православной) нравственности я могу только с глубочайшим пессимизмом. Оба эти явления представляются мне антагонистами. Симбиоз научно-технического прогресса и христианской (православной) нравственности, на мой взгляд, невозможен.

Не знаю, что думает и чувствует православный глубоко чувствующий патриарх, садясь в «Боинг», чтобы за несколько часов преодолеть расстояние в половину земного шара. Но я знаю примерно, как мыслит сидящий рядом с ним академик-атеист, изобретающий компьютерные системы. Этот наверняка горд за свои детища, он в восторге от успехов научно-технического прогресса, он смело глядит в будущее человечества и убежден, что останавливать научно-технический прогресс настолько же вредно, насколько и невозможно. Мироззренческая пропасть, зияющая между верующим и атеистом, по-моему, непреодолима. Их понимание человеческого счастья, смысла и цели жизни – несовместимы и взаимно уничтожаются. Мне думается, что свобода выбора, данная Творцом, до сих пор не осознана человечеством. Люди стихийно, по-младенчески наивно избрали легкий, приятный, однако гибельный путь научно-технического прогресса. Чем же был обусловлен этот выбор, ведущий к апокалипсису? Мне кажется, всего лишь одним: стремлением к ничем не ограниченному комфорту. Люди оправдывают такое стремление стремлением к счастью. Но тут сам собой встает новый вопрос: что же такое счастье?

К. Маркс как-то сказал, что счастье в борьбе. С кем и с чем он боролся и как он это делал, понятно теперь многим, хотя и не всем. А друг Маркса Энгельс кликушествовал еще в прошлом веке совершенно в духе фюрера и нынешних демократов, пропагандирующих жандармские свойства НАТО. Вот что он писал когда-то:

«Всеобщая война, которая разразится, раздробит славянский союз и уничтожит эти мелкие тупоголовые национальности вплоть до их имени включительно.

Да, ближайшая всемирная война сотрет с лица земли не только реакционные классы и династии, но и целые реакционные народы, и это также будет прогрессом.

...Мы знаем теперь, где сосредоточены враги революции: в России и в славянских землях Австрии... Мы знаем, что нам делать: истребительная война и безудержный террор».

«Славянские земли Австрии» понимались Энгельсом как земли нынешней Югославии... Но Европа, к счастью, знаменита не одними марксистами.

Великий Паскаль, размышляя о счастье, делит людей на три группы. Он говорит: «Одни обрели Бога и служат ему, эти люди разумны и счастливы. Другие не обрели Бога, но ищут Его, они разумны, но еще несчастны. Третьи не ищут Бога вообще, они безумны и несчастливы». Таким образом, Паскаль отождествляет человеческий разум с верою в Бога и ставит счастье человека в зависимость от веры и разума. Он не говорит о количественном соотношении этих групп, но это нам и так ясно. Ясно, что число людей первой группы ничтожно мало по сравнению с количеством людей в двух последующих группах. Разумеется, понятия о счастье у трех этих групп совершенно не схожи. Отношение к комфорту, исходя из этого понимания, тоже разное. Интересно, что люди третьей паскалевской группы зачастую считают несчастными людей первой группы, злятся на них, всячески пытаются «вразумить», перетащить их в свою наиболее многочисленную компанию.

Давно и безуспешно пытаются некоторые философы говорить о пользе, необходимости и красоте физического труда, но почти никто их не слушает. Человечество словно бы задалось целью механизировать, автоматизировать да и вообще ликвидировать мускульные усилия. Комфорт и удобство стали главным критерием благополучия... Между тем физический труд (не путать с физкультурой и спортом) – одно из главных условий выживаемости человека. Да и нарастания общественного эстетического и материального богатства вряд ли возможно без такого условия. Труд, каким бы он ни был тяжелым или грязным, всегда духовная категория. Легенда о сизифовом камне лишь подтверждает эту духовность.

Чтобы поверить в эту в общем-то банальную истину, вовсе не обязательно вспоминать православных святых, исихастов, подвижников Фаваиды и Афонской горы. Мне, к примеру, достаточно представить жизнь моей бабушки Александры Фоминишны или одного из моих прадедов – Михайлы Григорьевича Коклюшкина. Обоих явственно помню и осмелюсь сказать о красоте тяжелого и грязного труда. (Например, летняя вывозка навоза.) Эстетическая сторона этой работы, конечно же, недоступна современному прогрессисту, доверяющему своему носу больше, чем нравственному чутью. Ему не понять, как отрадно, как счастливо чувствует себя отдыхающий после такого труда крестьянин (христианин). Когда весь навоз (говорилось – назем) перекочевывал из деревни в поле, когда в хлеву стало на полсажены просторней и можно затопить субботнюю баню.

Зимой даже у самой бедной избы снег был раскидан и подметен. Граф Лев Николаевич Толстой тоже сам раскидывал снег в Хамовниках. Но вот в нынешней Москве или Оттаве лопату взять не побоятся одни дворники, да и то не все. Зато во множестве пишутся и публикуются статьи о биоритмах, о биоцикличности, защищаются целые диссертации о режимах сна и питания. Медики поголовно твердят о пользе водных процедур и произвольных телодвижений, то есть физкультуры, призывают ложиться и вставать в одно и то же время, убеждают в том, как полезно человеку не только ходить пешком, но и бегать. И все это преподносится как только что научно открытое и прогрессивное.

Но моему прадеду вовсе не требовалось выписывать журнал «Здоровье», чтобы ежедневно зимой расчищать снег и каждую субботу ходить в баню. И если я добавлю к этому, что Михайло Григорьевич всю жизнь пил после бани не что иное, как хлебный квас и прожил весьма долгую жизнь, то не рискую ли тотчас прослыть приверженцем так называемого квасного патриотизма? Едва начнешь говорить правду о крестьянском быте, как многие начинают ерзать на стульях, беспокоиться и выискивать в словарях синонимы к слову патриархальщина. «Ату его! – кричат идеологические и технические прогрессисты. – Он же идеализирует прошлое!»

Нельзя сказать, что православным сознанием запрещалось стремление к облегчению тяжелого труда, стремление к удобствам. Русский крестьянин, во-первых, никогда не хва-

тался за непосильную ношу. Во-вторых, не отрицал он и многочисленных способов облегчения, применяя смекалку и традиционные навыки. Не брезговал он и удобствами быта, если они не противоречили христианской нравственности. При этом сельский труженик, понятия не имея о юридических законах по экологии, весьма бережно относился к природной среде. Он считал также великим грехом добиваться жизненных удобств не за счет собственного труда, а за счет труда соседа. Ближний или дальний сосед – это не имело значения. (Вспомним, что думают идеологи т. н. «золотого миллиарда».) Ясно, что православное отношение к комфорту отличается, например, от протестантского. Разница тут принципиальная. И хотя говорить на эту тему с людьми третьей паскалевской группы почти безнадежное дело, рискну процитировать высказывание Клода Бернара. Он утверждал: «Как бы далеко ни ушла опытная наука, как бы ни велики были ее успехи и открытия, но она не в состоянии, не переступая собственных границ, ответить о первичной причине всего, о происхождении материи и жизни и о конечной судьбе вселенной и человека».

Может ли опытная наука, не переступив собственные границы, признать свое бессилие, осознать безнравственность безудержного комфорта и опасность научно-технического прогресса, который так стремительно истощает естественные возможности планеты? Сомневаюсь. Ученые, инженеры, экспериментаторы из третьей паскалевской группы каяться не приучены. О таких ученых, как Паскаль, они стараются помалкивать. О ненасытных потребностях и научных замашках т. н. «Золотого миллиарда» СМИ тоже говорят либо сквозь зубы, либо совсем ничего.

Недавно по счастливой случайности попала мне в руки книга архиепископа Никона, бывшего когда-то епископом Вологодским и Тотемским. Она называется «Православие и грядущие судьбы России», составлена священнослужителем и писателем Ярославом Шиповым. В одной из статей подробно комментируется труд англичанина Табрума «Религиозные верования современных ученых». Табрум приводит множество высказываний о том, что наука вовсе не противоречит Священному Писанию, а Священное Писание только помогает науке. Как говорят, дай-то бы Бог, но покамест подобные мысли не в чести.

Меня могут спросить, а виноват ли научно-технический прогресс, что забегает вперед, что он всегда впереди нравственного совершенствования? И я скажу. Да, виноват. Люди впадают в жестокий самообман, ставя телегу впереди лошади.

Тот, кто захочет полемизировать с такой посылкой, пусть прочтет мои книги «Раздумья на Родине» и «Внемли себе», так как повторяться занятие малоприятное. Эпиграфом к своей статье «Ремесло отчуждения» («Новый мир», № 6, 1988) я уже приводил слова Н. Федорова: «Эксплуатация, истощение, утилизация вынуждают задаться вопросом: ради чего, на какую потребу тратятся многовековые запасы Земли? И оказывается, что все это нужно для производства игрушек и безделушек, для забавы и игры. Приходить от этого в негодование, конечно нельзя; нужно всегда помнить, что мы имеем дело с несовершеннолетними, хотя бы они и назывались профессорами, адвокатами и т. п.»

Ученые просто жаждут открывать тайны. Открывать просто так, в азарте чуть ли не спортивного интереса. Они говорят примерно так: «Если не я открою эту тайну, то все равно откроет кто-нибудь другой, помимо меня. Так уж лучше открою я». Спрашивается, все ли тайны разрешается открывать нравственным православным законом? Нет, не все.

Что же вы предлагаете, спросят меня прогрессисты, назад в пещеры? Вовсе нет. Все еще существует альтернатива. И человечеству, если оно хочет выжить, все же придется хотя бы слегка попятиться. Не надейтесь, господа блюстители «Золотого миллиарда», ни на африканскую саванну, ни на сибирскую тайгу или тундру с их минеральными и растительными запасами. Эти запасы если и не совсем исчерпаны промышленностью т. н. развитых стран, то хватит их все равно не надолго. Комфортабельные условия рано или поздно придется урезать, если *homo sapiens* рассчитывает жить в четвертом тысячелетии.

Всемирная урбанизация по своим глобальным масштабам явление ни с чем не сравнимое, грозное и по общепринятым понятиям тоже необратимое. Но Николай Федоров писал, что «В санитарном отношении города производят только гниль и затем почти не превращают ее в растительные продукты; следовательно, отдельное существование города должно давать перевес процессам гниения над процессами жизни... По мере увеличения городов вопросы санитарный и продовольственный будут принимать все более острую форму, становиться все жгучее и жгучее». Ах, только ли санитарный и продовольственный!

Мне представляется, что научно-технический прогресс идет рука об руку с глобальной урбанизацией и с глобальной милитаризацией, кои ведут человечество напрямую к всеобщей гибели.

Однако есть ли в действительности альтернатива современному городу? На мой взгляд, она существует, но это тема для отдельного разговора...

Если говорить о политике, то, как мне кажется, перспективна в мире всего лишь одна партия – всемирная партия зеленых. (Имеется в виду не зеленое знамя пророка, а зеленое поле мирного хлебопашца.)

Я призываю пока лишь развеять три популярных мифа:

1. Миф о безальтернативности выбранного нами пути.
2. Миф о несовместимости науки и веры в Бога.
3. Миф о нравственном нейтралитете науки.

Архитектура и государство

Помнят ли наши читатели межрегиональную депутатскую группу, наскоро слепленную из разношерстных предателей государства. Пестрая была публика. Как говорится, с бору по сосенке. Сварганили ее поповы и афанасьевы. В ней-то и выбродил, оброс плотным защитным панцирем главный разоритель великой страны. А уже около него сконцентрировались все главные московские плуты и жулики вроде Рыжова, посланного караулить разрушение страны в Париж. Горчаков, да и только! Сделали его не кем иным, как аж полномочным послом.

(Рыжов, как Яковлев, обученный в Канаде, быстренько выучился на средней руки архитектора перестройки. Где-то он нынче?)

Межрегионалы то и дело устраивали в Москве демократические тусовки... И зря, очень зря, «россиянские» подданные недооценили эту сперва жалкую группу! Они, межрегионалы, произвели на свет несчетное число маленьких крокодильчиков, стремительно выросших в зубастых безжалостных аллигаторов. Они-то и начали хватать все живое подряд, выползая на речные и океанские отмели государства, которое совсем не ими создавалось целое тысячелетие.

Тусовки начинающих демократов, возглавленные Поповым, Афанасьевым и еще безвластным Ельциным, проходили почему-то в Доме кино. Вот и в тот раз в этом безблагодатном «доме» собрались только что вылупившиеся архитекторы. Они приняли там так называемую хартию, призывающую бороться за власть. «Эффективное государственное устройство» – так называлась пятая статья этой хартии. Первый подпункт пятой статьи гласил: «Освобождение от культа государства, его верховенства в общественной жизни». Иными словами, долой государство во имя общественной жизни! Для будущих крокодилов важно было не государство, а всего лишь общественность.

Прикарманили демократы и само понятие общественности, словно в обществе никого и не было, кроме Попова, Афанасьева и Ельцина. Можно было тогда представить, что получится, если они придут к власти, возьмут государственное кормило в свои цепкие лапы. Жалка была попытка ГКЧП предотвратить угрозу государству! Буквально через несколько недель «крокодильчики» захватили власть, чтобы разметать в стороны великое государство, которое создавалось не ими. И началась у нас, так сказать, общественная, а не государственная жизнь.

Вот какие архитекторы-перестройщики стремительно явились в Москве. Какую архитектуру в прямом и переносном смысле повлекли они за собой, это видно без оптики, даже без обычных очков, достаточно заглянуть на Манежную площадь... Боже праведный, чего тут не нагорожено! За одних звероподобных церетелиевских жеребцов (или кобыл?), воздвигнутых у входа в Манеж, надо сажать скульптора, а с ним и градоначальника в холодную!

А кроме дьяволоподобных истуканов на площади громоздятся нелепые полусферы, бетонные переходы, аляповатые барьеры, грозные парапеты. Торчат всюду всевозможные то ли штыри, то ли фонари, и все это наверху, а чего не наворочено еще и под землей! Поневолле припомнишь сдержанную простоту и просторный облик прежнего Манежа, олицетворявшего в соседстве с Кремлем всю столицу и все величие Российского государства...

Нельзя сказать, что горбачевско-ельцинская перестройка в архитектуре началась недавно, с Лужкова и с Церетели. Все началось намного раньше, когда в 20-х годах прошлого века по плану монументальной пропаганды начали по всей России взрывать национальные шедевры: храмы и целые монастыри. О начале такой всемирной перестройки до сих пор вопит масонский обелиск, стоящий в Александровском саду вблизи царского грота. (Ни этот

грот, ни обелиск не свидетельствуют о высоком архитектурном вкусе, но выстояли на перекрестках времен.)

Примечательны имена двадцати перестройщиков, запечатленные на обелиске. Эти люди и были, по тогдашним понятиям, архитекторами мировой истории. Попробуем перечислить их имена. Сверху начать или снизу? Лучше, вероятно, начать сверху. Читатель мысленно каждого оценит и прокомментирует тоже каждое имечко. Итак: Маркс, Энгельс, Либкнехт, Лассаль, Бебель, Кампанелла, Телье, Уиншлей, Мор, Сен-Симон, Вальяр, Фурье, Жорес, Прудон, Бакунин, Чернышевский, Лавров, Михайловский, Плеханов. Половина их давно забыта либо совсем неведома столичным жителям. (Некоторые, вроде Вальяра и Уиншлея, не попали даже в Большую советскую энциклопедию.) Последняя пятерка имен пристегнута архитекторами, наверное, в угоду русским: кто бы иначе стал свергать со звонниц многопудовые колокола, вручную сверлить шурфы в могучих соборных стенах, чтобы закладывать динамит, кто бы стал крошить кувалдами колокола и кресты, жечь иконы и книги? Много предстояло труда! Не будут же все это делать кремлевские сидельцы вроде Свердлова или Бухарина! Кто отбирал имена этого «золотого» пятиалтынного? Бог весть... Обелиск, однако, стоит, как стоит на Поклонной горе и церетелиевская игла, а что нацеплено к этой игле, какой комар или иной какой дух поднебесный, никому не ведомо. Москвичи равнодушно ходят и ездят мимо.

...Но что же произошло с великим городом, с нашей чуть ли не девятисотлетней национальной святыней? Не все москвичи, но весьма многие глотают ядовитую влагу радио и телевидения, не все, но многие спокойно взирают на церетелиевскую иглу и на церетелиевских дьявольских лошадей, что бешено ржут у самых дверей Манежа, не все, но многие радуются грандиозному истукану, изображающему императора Петра Первого. А чему бы тут радоваться? Претенциозная, дорогостоящая, однако же абсолютно бездарная скульптура... Как жаль, что бронзовые ботфорты не загремят по столичным прешпектам! Уж царь-то Петр распинал бы по грязным канавам всех этих перестройщиков, всех архитекторов. Да и мэров, не жалеющих медных народных грошей. Не зря император в свое время написал собственноручно такой вот указ: «Дошло до нас, что недоросли отцов именитых в гишпанских штанах по Невскому шеголяют предерзко. Господину полицмейстеру указую впредь оных шеголей вылавливать и бить кнутом, пока от гишпанских штанов зело препохабный вид не останется». В том же указе Петр не пожалел и нежного пола, со всей строгостью и прямо сказал, что вельможны дочери на ассамблеи являются «не зная политесу», в неположенных «робах» и т. д. Нет, не поздоровилось бы нынешней демократической публике, если б царь Петр, словно Пушкинский командор, прошелся по набережным столицы. Досталось бы и мэру, и полицмейстеру... Дабы должностные лица «не чинили мину под фортецию правды». Хоть и стриг безбожный царь бороды купцам и боярам, но государственным вора́м и взяточникам потачки не делал. И в архитектуре разбирался, не чета нынешним церетелям. По словам Пушкина,

То академик, то герой,
То мореплаватель, то плотник.

Умел он и на троне прочно сидеть, чего бы тут издеваться над этой мощной фигурой скульпторам-модернистам? Нет, им нейдет... Будем надеяться, что нейдет на свою голову по пословице «Кошка скребет на свой хребет». Но скажут: чем тебе не угодил церетелиевский Петр? Эвон, дескать, какая изящная статуя!

Для того чтобы ответить на этот вопрос, надо знать, что величина, грандиозность (также и предельная малость) сами по себе не могут быть эстетической категорией. Чтобы убедиться в этой простой истине, достаточно сравнить какую-нибудь изящную сельскую

часовенку с громадным Исаакиевским собором, что в том же Питере. И далее: почему маленький скромный храм Покрова Божией Матери на Нерли мы считаем архитектурным шедевром? Творения же, например, Гауди, даже по фотографиям, вызывают неприятное антихудожественное чувство. (Это неэстетическое чувство могут вызвать не только творения человека, но и некоторые явления природы, например, те же нагромождения причудливых горных пород около одного монастыря под Барселоной. Но природе-то такие причуды простительны. А простительны ли человеку?) Сплошь да рядом бездарные скульпторы или архитекторы компенсируют недостаток таланта собственными причудами, всевозможными антиэстетическими вывертами.

Если уж и говорить о монументальности в ее чистом художественном виде, вспомним, что большинство зданий в Санкт-Петербурге не грандиозны, а всего 2—3-этажны. Их строители достигали монументальности не физической величиной, а художественными средствами. Не хочу я сравнивать сложившуюся архитектуру Москвы с питерской. О национальной Москве говаривал еще Михаил Юрьевич Лермонтов. Питер тоже продукт национального русского гения, но Москва более русский город.

Включилась она, бедняга, в горбачевскую перестройку, и захлестнула нашу столицу эклектика. Кладбищенская и дачная эстетика преобладает нынче по Москве. Неприятательные вкусы торговцев-мешочников, вкусы лабазников – иными словами, всевозможных челноков, биржевых игроков, спекулянтов, шатающихся по всему миру, – перемешали в кучу традиции, национальные пристрастия народов и государств. Перемешались в том числе архитектурные стили, как раз по Лермонтову:

...все промелькнули перед нами,
Все побывали тут!

Нет, у простого народа, у народа-труженика, вкус всегда был вернее и безошибочнее. Какой народ, какую нацию ни шевельни, это везде чувствуется. Да, каждое государство, каждый народ еще и сейчас имеет свой архитектурный стиль, будь то храмовые строения или бытовые, хозяйственные, будь это в деревне или в городе. Даже самый малый народ создал и стремится хранить свой строительный метод, свой художественный облик.

Но на эту тему мы поговорим в другой раз...

Акциз

Перестроечная действительность, увы, не поддается пока ни религиозному, ни художественному, ни научному постижению. Впрочем, ежели привлечь для такого дела науку, то лучшей отрасли, чем лингвистика, на мой взгляд, просто не существует. «Двоевластию надо ложить конец!» – говорит по радио стремящийся в президенты вице-премьер...

Во время политической линьки государственные мужи меняют обычно не одну внешнюю окраску, но и свое название. Секретарь, к примеру, становится президентом, для чего заимствует за бугром и слова, и рубли, пардон, всякие гульдены. Иначе откуда бы знал православный народ такие словечки, как *мэр* или *спикер*? Я уже не говорю про *ваучер*. Есть такая закономерность. Запустило правительство очередное иностранное словечко, жди и очередную беду...

На сей раз мелькнуло французское слово «акциз». Правда, оно прилепилось к России еще во времена Витте, но никто кроме парламентских и кабацких сидельцев и поныне не знает толком, что оно означает. Зато обществу хорошо известно, куда уходят потные, только что заработанные и тотчас пропитые рубли. Одним дуракам не ясно, куда они идут. Ведь и при Брежнев, и при Горбачеве правительство принимало пьяный бюджет...

Был в крестьянской среде такой обычай. На празднике беспокойного гостя, порывающегося бузить, либо пеленали, словно младенца (связывали полотенцами), либо старались так напоить, чтобы он поскорее уснул как младенец. И в том и в другом случае заталкивали куда-нибудь за печку или под лавку.

И железные сталинские большевики, и нынешние мягкотелые демократы, чтобы усидеть на шее народной, превосходно освоили оба упомянутых способа.

В незлобивой, весьма добродушной памяти русского народа, М. С. Горбачев, конечно же, останется как жалкий хвостун и предатель. Но среди разбуженных Горбачевым бед и несчастий, среди его многочисленных и гнусных затей было и одно доброе дело. (Думаю, что он сделал его под давлением обстоятельств, отнюдь не по внутреннему убеждению.) Речь идет о знаменитом антиалкогольном указе от 15 мая 1985 года.

Представляю, как при чтении этих строк поплывут дьявольские ухмылки по лицам многих даже дружественных читателей. «Ишь, скажут, о чем вспомнил! Разве не известно тебе, чем обернулась вся эта вредная и ненужная антиалкогольная кампания?»

И я отвечу: да, очень даже известно! «В результате принятых мер в стране реализовано водки в 1989 году на 37 миллиардов рублей меньше, чем в 1985-м. При этом в сберкассы внесено на 45 миллиардов рублей больше, ежегодная продажа продуктов увеличилась на 4,5 миллиарда. Производительность труда повышалась ежегодно на 1 процент, что давало казне 9 миллиардов рублей. Количество прогулов снизилось в среднем на 35 процентов (1 минута прогула в масштабе страны стоила 4 миллиона рублей). В общем итоге прибыль от трезвости в 3—4 раза превысила недобор от продажи алкоголя и табака».

Цитирую не литературные домыслы, а документ, основанный на статистике, с коим познакомились думские депутаты.

К сожалению, большая часть читателей не признает и статистику. Путает ее с пропагандой. Такой читатель, как говорится, зациклен, он твердо и навсегда уверен во вреде любых антиалкогольных действий. Масштабы народной трагедии ему просто неведомы. Он действительно ничего не знает. Или же знает, но странным образом не желает думать об этой беде. Ни в медицинском смысле, ни в нравственном, ни в экономическом, ни в политическом смысле не хочет думать. Он зомбирован! (Еще одно чужое словечко.)

Чем же можно воздействовать на человека обманутого? Как разбудить его, не желающего знать горькую правду? Не важно, премьер он или стропальщик?

Попробуем опять же статистикой.

Не знаю, сколько принципиальных трезвенников насчитывалось у Горбачева в ЦК. В Политбюро числился всего один – Егор Лигачев. Согласитесь, что в таких условиях появление майского указа было каким-то чудом... Люди и до сих пор не верят, не знают, сколько миллионов человеческих жизней спасено было от гибели, сколько матерей и сестер осушило тогда свои несчастные слезы.

Впервые за много лет страна облегченно вздохнула. (Это легко подтвердить множеством документов, пришедших в Москву со всех концов государства, подписанных тысячами людей.)

Но что тут поднялось в демократическом стане! Как взвыли сразу все радиоголоса, как яростно и зловеще по всему государству замерцали электронные ящики! Как перепугались народной трезвости наши тайные и явные недруги! Сонм борзописцев, начиная с юных девиц, пробующих силы в комсомольской печати, кончая великим гуманистом Евгением Евтушенко поспешно кинулись обличать антиалкогольный указ. Само собой, сказывалась тут личная зависимость от содержимого красивой бутылки. Дескать, как это так, на свадьбе да без шампанского? А Новый год? Неужто с лимонадом встречать? (Кстати, ничего страшного... Наоборот.)

Дело, однако же, было не в одной личной заинтересованности. С величайшей и полной ответственностью говорю, что осенью 1993 года среди защитников Конституции вокруг здания на набережной я не видел ни одного пьяного. Этих людей обозвали красно-коричневыми и расстреляли, потому что они были трезвы. Они знали, чего хотят. (Впрочем, Гайдар и его пьяные лавочники тоже знали, чего хотят.)

Не буду говорить, чего хотело ЦРУ, у меня нет для этого документальных данных. Цитировать же решения американского Конгресса и то, что говорили насчет нас Аллен Даллес и Адольф Гитлер, у меня нет никакого желания. Эти слова уже набили оскомину. Можно все-таки подвести итог. Задачи, поставленные Даллесом и Гитлером, почти что выполнены с помощью алкоголя и телевизора. То бишь мирным путем. Таким ли уж мирным? Ежедневно вологодские журналисты печатают целые колонки с такими вот бодрыми сообщениями:

В д. Кольцево Вологодского района тракторист ТОО «Новое» управлял трактором Т-150, выпал из кабины, попал под колесо и получил смертельную травму».

«В с. Анненский Мост Вытегорского района двое 42-летних мужчин решили выяснить отношения. В результате один на почве ревности убил другого топором».

«В д. Подволочье Великоустюгского района 30-летний военнослужащий выстрелом из охотничьего ружья в спину убил своего тестя. Оба были пьяны».

«Недавно в Череповце обнаружился очередной «Джек-потрошитель». Он лишил жизни совсем молоденькую девушку, отрезав ей голову и взрезав живот. Ну и скотина!»

Не думайте, читатель, что газетчики возмущены или потрясены. Нет, они пишут об этой страшной беде если не с удовольствием, то с каким-то непонятным бесовским юмором. Читатели московских газет и питерских, дорогие любители телевидения, знакомо ли вам нечто подобное?

«Алкоголь может быть полезным организму», – вкрадчиво, но крупными буквами и на первой странице вещает газета «Известия» (2.XI. 94). Будто бы и не бывало объективных исследований Павлова, специалистов ВОЗ, новосибирских исследователей Детиненко и Гражданинникова, словно не выходили книги академика Ф. Г. Углова. Полезно, и вся недолга... Академик Углов напрасно взывал к совести Рыжкова, Черномырдина, а также своих научных коллег типа Шаталина. (Вспоминаю, с каким пафосом клеймил трезвенников академик Шаталин – лучший экономист перестройки и друг Горбачева.)

Нынче социалистический академик, гроза самогонщиков, не стыдясь, цинично укрылся за роскошным рекламным щитом: «Шаталин и К°». Не знаю, может, однофами-

лец? Может, Евгения Евтушенко спросить, что значит этот самый акциз? Но Евгения Александровича вряд ли волнует разница между прямым налогом и косвенным. Он, Евтушенко, прописан сразу в двух земных полушариях. (Кормится в Западном, ордена выписывают в Восточном.) Ему не до этого...

Академик Чазов, когда ставили его в министры, тоже не стал отвечать на мои вопросы. Зато Г. М. Руденко, Н. Н. Иванец и В. М. Булаев – все трое высокие специалисты по наркологии, дружно кинулись защищать алкоголь («Неделя», № 31, 89). Из их слов следовало одно: сивуха, выпускаемая нашей мощной промышленностью, есть обычный продукт. Пейте, мол, граждане, и ничего не бойтесь. И вот Лигачева объявили виновником гибели виноградников и с помощью Гдляна торжественно изгнали с политического Олимпа. Сахарный дефицит, обусловленный недобором свеклы и простаиванием заводов свалили на самогонщиков. Долой, кустарщину в производстве и потреблении яда, даешь социалистическую индустрию! Конверсию водочных заводов срочно притормозили. Уже при нынешнем президенте в официальных списках продовольственных товаров появилась такая строка: «Спирт питьевой...».

Демократия победила.

Спросите, а что народ? Народ, который попробовал было встряхнуться и освободиться от семидесятилетней похмельной дремы? А народу опять подсунули перестройку, перемежаемую кровавыми перестрелками... Разумеется, не без допинга (опять словечко).

Если в девяностом году только одной своей водки было произведено 137,5, то в девяносто первом уже 154 миллиона декалитров. Не думайте, что всю эту бездну сивухи демократы хранят на государственных складах. Нет, все выпито. И это примерно десять литров на душу, включая младенцев.

«Данные, – говорится в документе для Государственной Думы, – приведены без учета импортной алкогольной продукции и ее аналогов, объем которой, по экспертным оценкам, за 1 полугодие 1994 года только по одной позиции – водка – составил около 300 миллионов литров... В представленном на рассмотрение Государственной Думы бюджетном послании облагаемый налогами в 1995 году объем произведенной и импортированной продукции определен в 373,1 миллиона декалитров (без учета контрабанды и «самоделов»). Это составляет примерно 24 литра на душу населения в год».

Далее депутаты, некоторые, может быть, впервые в жизни узнали, что нашему народу в его недалеком будущем грозит вырождение:

«По заключению Всемирной организации здравоохранения при достижении уровня среднедушевого потребления 8 литров в год наступает процесс необратимого изменения генофонда нации, то есть начинается процесс вырождения. Мы уже вплотную подошли к этой ситуации. Создавшаяся обстановка представляет реальную угрозу здоровью населения России и подрывает экономическую безопасность государства».

Почему же Госдума не ткнула носом в эти зловещие цифры ни самого Черномырдина, ни всех его финансистов? Или задача такая: двигаться к гибели?

...Вокруг каждого пьющего по мере его духовного и физического разложения всегда возникает опасная зона. Поначалу родственники любят его, как и раньше. Затем начинают жалеть. Но порою жалость сменяется презрением и даже ненавистью. Жалость и ненависть в одном сердце! (Например, в сердце жены или сына). Что может быть взрывоопаснее подобной смеси? Рано или поздно в таких сердцах происходит взрыв. Люди, близкие пьяниц, и те, что около, жестоко страдают, приобретая физические болезни. А ему хоть бы что! Он даже не замечает, что родные вокруг него стали больными именно из-за него, что и самому ему давно бы пора на исповедь.

Приходит в голову мысль, что и чеченская мясорубка началась у нас при содействии зеленого змия. Попробую привести некоторые доказательства.

Когда СССР с подачи многочисленных академиков Шаталиных продал водочную лицензию (еще словечко!), то в одну из мусульманских стран, молодого и энергичного директора Вологодского «ликеро-водочного» турнули строить этот самый завод. Все вроде бы шло нормально, строительство двигалось. И вдруг от восточного гостеприимства враз ничего не осталось. «Озверел, обозлился народ, и по винтику, по кирпичику растащили весь этот завод». Наш директор еле ноги унес оттуда. Вот и сейчас. С одной стороны сто новопеченных генералов. Воевать не умеют, а пить многие мастера. (Что от чего зависит – не мне судить.) С другой стороны мусульмане. Эти все еще почему-то не желают спиваться, не принимают «гуманитарную помощь».

Откроем справочник «СССР в цифрах». С 65 по 81 год население страны увеличилось всего на 13 процентов (отнюдь не за счет русских). За то же время спиртного произведено на пятьсот процентов больше. За сорок лет (1940—1980) производство хлебных продуктов увеличилось на двести процентов, а производство алкогольного пошла на 690! Рост даже по преимуществу мусульманского населения отставал от роста алкоголя в 37 раз! Гайдаровская демократия впустила в нашу страну не одних закордонных бандитов и американских экономистов для обслуживания президента. Вкупе с ними хлынули к нам кабатчики со всего света. Они усиленно потчуют нас австрийской, голландской, немецкой, французской и даже индийской сивухой.

Вовсе не утверждаю, что Российское государство встало перед чередой грозных явлений лишь по одной этой причине. Есть, конечно, и другие причины. Их не замаскируешь ни горбачевской перестройкой, ни грачевскими перестрелками...

Спасем язык – спасем и Россию

Разговор о языке – очень серьезный разговор. Достаточно вспомнить Евангелие от Иоанна: «В начале было Слово, и Слово было у Бога, и Слово было Бог». Язык – это народ. Когда я говорю о спасении России, я говорю о спасении языка.

Спасать прежде всего нужно кириллицу, потому что начинается наш разгром с того, что кириллицу в России вытесняет латинский шрифт. Я вам напомним о том, что разрушение Югославии началось именно с этого. Все началось с безобидных вывесок, с безобидных объявлений на латинском шрифте – и кончилось (да еще не кончилось!) видите чем. Страшные вещи происходят: кириллица вытесняется насильно, целенаправленно.

Конечно, язык зависит от уровня общей культуры, народной нравственности прежде всего. Но нельзя забывать, что разрушение русской национальной культуры, языка и музыки было запланировано. Никакой стихийности тут нет, все шло так, как было задумано, – уничтожение нашей государственности, нашей нравственности, нашего языка, нашей культуры. И тут нечего хитрить, нечего бояться, надо прямо сказать, что мы порабощенный народ; может, пока порабощенный не до конца, но порабощенный, надо это признать и исходить из этого. Как освободиться от гнета, от ига, надо думать сообща, соборно. И если мы будем думать, то обязательно придем к тому, что освобождение может быть только на основе православной веры. Символично получилось, что о русском языке речь идет в православном монастыре.

Наша культура, наша духовность где-то во времена Пушкина пошла по двум направлениям: светская культура и культура чисто духовная, религиозная. Они как бы разошлись, и один – чаадаевский, или декабристский, путь, а другой – путь наших священнослужителей, духовенства. Это было трагическое и, как мне кажется, искусственное разделение.

Нельзя делить культуру на культуру Пушкина и культуру Игнатия Брянчанинова. Конечно, они и сами в своем роде хороши, но у них один источник. Этот источник – русский народ и Православие. И когда я читаю сейчас аскетические опыты святителя Игнатия – я восхищаюсь чистейшим русским языком. За век с лишним ничего не сделалось с этим русским языком, он такой же чистый и сейчас. Язык Игнатия-святителя – это превосходный язык, в него ничего не привнесено грязного и нечистого, я бы сказал, иностранного. Мысли выражены очень четко.

О плановом уничтожении языка можно говорить очень много. Но достаточно сказать о словарях наших. Словарей должно быть столько, сколько нужно, должны быть сотни самых различных словарей. А у нас же вроде бы какая-то норма существует на них.

И какие это словари?

В словаре Даля 220 тысяч слов, хотя в нем отражена отнюдь не вся русская лексика. Я знаю десяток или два коренных русских слов, которых нет в словаре Даля.

А в словаре Ожегова? Там ведь всего лишь около 80 тысяч слов. Вот как у нас получается: из двухсот двадцати тысяч слов сделали всего восемьдесят. Да и то половина с пометками: «устарелое», «областное», «просторечное», «специальное» или еще какое-нибудь. Так и прививали у нас недоверие к собственному языку.

Но ведь произошли изменения не только в словарном, лексическом составе, произошли изменения в пунктуации, синтаксисе. Ведь язык – это такая разнообразная стихия! В нем нельзя сводить все только к одной лексике. И здесь наблюдаем явное обеднение языка.

Язык обеднен не только по количеству слов, он еще обеднен и интонационно. Он утратил ритмичность и тональность.

Говорить об исключении иностранщины из нашей лексики вполне правомерно. И нечего этого бояться. Надо безжалостно исключать «чужесловы» из нашей речи. Безжа-

лостно выбрасывать. А нам прививают намеренно эту лексику. Я понимаю, когда пишут медицинский рецепт на латыни. Но когда журналисты намеренно всовывают в статьи иностранные термины, нарочно, как бы презирая русский язык, это те журналисты, которые вообще не любят Россию и которым все равно где жить и как говорить, лишь бы было сытно. И сами лингвисты? Они на самом коренном русском слове могут поставить пометку: разговорное, областное.

С В. Н. Крупиным мы были в Японии, оказались в гостях у одного профессора, и он нам показывает сборник «русских» частушек, изданный в Израиле. Забыл фамилию израильского профессора, который писал предисловие. Частушки абсолютно похабные. Весь сборник целиком похабный. Я смею вас уверить – это не народные частушки. Есть люди, которые специально сочиняют эти мерзопакости, а выдают за творчество народа. Или берут действительно народные частушки, но что стоит человеку, искушенному в сочинительстве, переделать текст и из нормальных стихов сделать похабщину? Издают целые сборники большими тиражами и распространяют по всему миру. А на основании подобных сочинений делается вывод, какой русский народ паскудный. И тот же японский профессор воспринимает эти частушки как народные. А нашим доказательствам, что это не народное творчество, по-моему, он так и не поверил.

Что нас ждет дальше, я боюсь и говорить. С таким словарным запасом, как у нашего президента, мы далеко не уедем. Ни одной пословицы русской Борис Николаевич, по-моему, не знает. Ему пишут референты, которые тоже не знают языка. Одним словом – смердяковщина. Она пришла, конечно, не сейчас, но сегодня особенно свирепствует. Бессмертен иностранец Иван Федоров из «Мертвых душ» Гоголя. Вся Вологда и вся Москва завешаны этими «иностранцами», этими вывесками.

Уничтожение русского языка идет одновременно с уничтожением русского народа. Самое главное сейчас – спасение самого народа, который покорен неизвестно кем, какими силами, который идет на поводу неизвестно у кого.

Я не знаю, что получится из закона, который мы предлагаем принять в Думе. Я думаю, что спасение языка не совсем будет зависеть от этого закона. Но все равно не нужно от него отказываться. По крайней мере, закон этот должен разбудить спасительное чувство национального достоинства.

Король голый...

Православие, как любое могучее и необъятное национально-религиозное явление, конечно, имело немало пороков, противостоящих самой сути христианства. Но что из того? Из частных, вернее, неглобальных недостатков церковной жизни нельзя делать обобщающих выводов, например, заявить, что Серафим Саровский и Иоанн Кронштадтский не были святыми...

Либеральные демагоги на протяжении веков намеренно ставили знак равенства между верой и мракобесием... Но даже официальная церковь боролась против суеверия!

Да, настоящая вера и суеверие отнюдь не одно и то же. Последователям Маркса – Энгельса пора бы понять эту непреложную истину. Православная вера не противоречит грамотности и глубочайшим научным познаниям. Напротив, она помогает науке и грамотности, способствуя их расцвету. Неужели так трудно осознать всем сердцем, каждой жилочкой почувствовать этот факт?

Размышляя о счастье, француз Паскаль, ученый, представляющий фривольную, т. е., на наш взгляд, несколько легкомысленную нацию, делил людей на три группы: «Одни обрели Бога и служат Ему, эти люди разумны и счастливы. Другие не обрели Бога и не ищут Его, они разумны, но еще несчастны. Третьи не ищут Бога вообще, они безумны и несчастливы». Мнение весьма близкое православию! Лучше Паскаля, пожалуй, не скажешь...

Но в какой группе больше всего людей? Я осмелюсь утверждать, что самая многочисленная по счету ученого и философа – третья! Те, кто и безумны, и несчастливы. И преобладает в этой группе, конечно же, молодежь... Вероятно, это касается не только современной России.

Сейчас разрушение русской семьи, «Русского дома» (название нашего журнала) происходит не столько словом, сколько музыкой. Речь идет о разрушении музыкальной культуры... Прошу отнестись к моей фразе как можно прямолинейней! Говорю именно то, что говорю...

Не стоит сейчас разглагольствовать, что для русского дома, иными словами для русской семьи, важнее: слово или музыка, слово или песенная (певческая) народная стихия, музыкальная культура. Убежден, что в нынешнюю «ненастную» пору для спасения и возрождения нашего народа важнее всего музыка...

Разумеется, даже смутно верующий, мало воцерковленный человек, даже неграмотный громило нашего христианского дома, скажет, что слово важнее. Христос! – это слово. Бог – слово. Скажет так даже инаковерующий. Может, согласится с ним и атеист, ведь дух злобы тоже использует слово... Вопрос, какое слово? Мат, вылетающий из уст пьяного, жутко ставит в один логический ряд со словом Иоанна Златоуста или, к примеру, со словом иного Иоанна – покойного митрополита Ладожского и Петербургского... Да куда деться? Логика – вещь серьезная. Наука хоть и не богословская, но наука. На земле звучащее слово не всегда Бог... Книга, лицедейство, радио, телевизор в этом мире служат обычно не Богу... Вот почему я снова и снова утверждаю: русский народ в наше время страдает, ослабевает, сокращается, гибнет не столько от сатанинского слова, сколько от сатанинской музыки. Об этом я говорил еще много лет назад. И вот спрашивает один мой, кстати, верующий читатель: «Рана, похоже, уже и не гноится, а почернела и смердит, и... кости обнажились. Так уместно ли, действительно ли врачевание по прежней методе?»

На мой непросвещенный взгляд, годится любой метод, если речь идет о врачевании живого человека или целого, несдающегося народно-государственного организма...

Как же мы допустили, что наше завтрашнее будущее, наши многотысячные молодежные аудитории попали во власть воплощенных бесов? Рок завладел безбожными сердцами

наших детей, внуков и правнуков. По родственной любви к ним мы и сами, т. е. родители, деды и бабушки, уже готовы слушать такую «музыку»... Бесноваться на жутких молодежных тусовках, на этих безбожных многочисленных сборищах, конечно, не станем, но слушаем, а некоторые родители уже и «плясать» осмеливаются...

Скажут, молодость, избыток сил... Дескать, тот избыток надо куда-то истратить. Русь, мол, и раньше плясала... Конечно, плясала! Молодые, здоровые плясали и раньше. Не только работали, но и веселились. Помню сам, как десятилетним подростком верст за десять-пятнадцать ходил на гулянья в другие волости и деревни. Девушки часами плясали под игру на гармонии. Но как на Руси веками плясала молодежь и подгулявшие в гостях пожилые люди обоего пола? Пляска была индивидуальна, разнообразна, однако же не теряла традиционной красоты и эстетики. Красиво плясали, что говорить, далеко не все. Но стремились-то к такой красоте и приличию буквально все, осмеливающиеся выйти на круг. «На круг» – это значит на всеобщее обозрение, на народный, общественный суд! Пьяные, а также подвыпившие хлебного пива плясали тоже – кто им запретит? Однако же в глазах общественности ценились больше плясуны трезвые, тем более и плясуны. Они лучше и плясали. (Эстетика русской пляски, хоровода и песни не вмещается в эту статью, она ждет серьезного изучения и усиленного внедрения в народный быт.)

Наверное, каждый нормально думающий согласится, что слова бывают и мерзкие, и похабные... А бывают ли мерзкие и похабные звуки? Дурные «музыкальные» звуки? Отвечая на такой вопрос, многие либо скажут «нет», либо задумаются... Но мне хочется сказать определенно и коротко: да, такие звуки бывают и в музыке! «А что это за звуки?» – спросит какой-нибудь пристрастный дотошный читатель «Русского дома». Я уже говорил когда-то и об этом. Повторяться нет смысла. И резонером-моралистом быть не очень-то приятно... (Замечу лишь, что существует обычная музыкальная какофония. Существует и обычная децибельная агрессия, которую не выдерживают даже крысы... Сами по себе два этих примера являются доказательством существования музыкального неприличия.)

Продолжим разговор вопросом: а бывают ли неприличные движения? Увы, тоже бывают... Игра бедрами, обнаженными ногами и торсами... Имитация бесстыдного полового экстаза... На глазах у всех... Многотысячная толпа визжит, орет, конвульсивно дергается. Иные девушки совсем теряют рассудок и падают в обморок. Это и значит рок-музыка! Не следует путать ее с некоторыми национальными танцами, не стоит переводить и в разряд физкультуры. Но все называют такое сумасшествие музыкой...

Музыка ли? Всего вероятней, антимузыка. Вред этого зловещего явления доказан врачами и искусствоведами в Японии и в западных странах. Русский читатель не знает этих научных работ, они скрываются разрушителями национальных культур, пропагандистами рока. Мы ничего не знаем о медицинской стороне дела, наши медики или молчат, или им не дают места на страницах печатных органов. Форсированная почти на государственном уровне пропаганда антикультуры обнаруживает себя как раз в отношении к року. Композитор Андрей Петров, отвечая одной ленинградской корреспондентке, не видит в рок-музыке опасности... Вероятно, А. Петров не читал Платона, который утверждал, что «отвращения от общенародной музыки надо остерегаться больше, чем нарушения любого закона». Тот же древнегреческий философ говорит, что «нельзя изменить форму музыки, не внося расстройств в нравственность». Другой философ, в другом конце мира и в иное время говорит почти то же самое: «Покажите мне, как поет народ, и я скажу, как народ управляется и какова его нравственность» (Конфуций).

Кое-что о рождаемости

Сами евреи как будто предназначены возбуждать страсть в среде тех, в контакт с кем они вступают, так что бесстрастие по отношению к ним встречается редко. Действительно, для некоторых евреев одно только признание существования еврейского вопроса уже служит доказательством существования антисемитизма...

K. W. Steed. Te Hapsburg Monarchy, 1913, p. 179

Взрывоопасная смесь лингвистики с критикой суфражизма! Выдерут дамы последние волосы... И ни за какие деньги, ни за какие «коврижки» не взялся бы я за этот материал, если б не трагедия генерала Рохлина... Меньше всего хотелось вновь говорить о женской эмансипации и разжигать страсти вокруг рождаемости. Давно всем известно, кто виноват и что делать! Пресловутый треп о том, кто лучше, мужчина или женщина, всегда казался мне смешным и даже оскорбительным для всего человечества. Полемизировать с вечными суфражистками не было никакого желания. Неблагодарное и суетное это дело!

Скажут: при чем здесь убийство Рохлина? Но помянем его перед Богом, вспомним историю его жизни: политическое и военное его возвышение, его мужественную борьбу с Ельциным, его трагическую кончину. Наконец, подумаем, отчего такой для многих, особенно для женщин, неожиданный финал судебного процесса? Суд над вдовой и матерью больного ребенка... Уже сам этот факт не вмещается в нашем правосознании. Связана ли вся эта детективная история с общей трагедией России? Заявить хочется во всеуслышание: безусловно, связана! Везде существует взаимосвязь, даже на бытовом и религиозном, политическом и военном уровнях. Подумаем сообща и убедимся, что эта взаимосвязь, корреляция, как выражаются медики, буквально во всем, куда ни копни...

Сначала вспомним, на сколько миллионов человек ежегодно сокращается население страны, прежде всего русское. Вспомним, что говорил Федор Достоевский о русском народе и русской женщине. Спрошу в первую очередь верующих девушек, всех бабушек и вообще всех вологжан: откуда, к примеру, на улицах Вологды взялось так много курящих дам?

Никогда до 90-го года не осмелился бы я употребить публично циничное мужское высказывание: «Все женщины делятся на дам, не дам и продам». После чтения «Пятачка» осмеливаюсь. Курящих девушек я давно называю «курицами», обижаются не многие. Стоят иной раз по двое-трое где-нибудь на задворках и беседуют, у каждой в одной руке бутылка пива или «колы», в другой вонючая сигарета. Почему бы и курительной трубкой не обзавестись или, как Черчилль, сосать сигару? Можно привыкнуть. Привыкли же ходить в двадцатиградусные морозы в мини-юбках, едва прикрывающих ягодицы. Не зря в очередях к урологу одна половина мужики – аденомщики, другая – женщины, часто весьма юные. Этих девушек Господь уже не сделает мамами, а если и сделает, то накажет больным ребенком...

...В 1999 году, в кои-то веки (в прямом смысле в минувшем веке), и то на базаре, заметил я миловидную беременную женщину. Она была совсем для меня чужая, не знакомая. Но я так ей обрадовался, что хотел тут же все бросить, купить гвоздику и преподнести ей. Именно за беременность. Пока шарашил, искал деньги в карманах, женщина затерялась в толкучке...

Восьмого сентября 2000 года ездил к сестре за ягодами, и на углу улиц Горького и Добролюбова, на троллейбусной остановке увидел еще одну беременную. Да, Вологда город литературный... Эта женщина вела себя весьма странно: то разглядывала, что продают в киоске, то совсем пряталась за киоск. Словом, явно стеснялась своего живота. Троллейбуса не было, и народу тоже мало. Я украдкой подошел к ней и произнес чуть ли не шепотом: «Можно вопрос?» Она как побежит от меня! И опять чуть ли не за киоск! Но я же хотел ее

просто поздравить и сказать, чтобы она не стыдилась, что люди должны кланяться ей в ноги за предстоящий подвиг рождения нового человека! Она же отбежала от меня еще дальше и повернулась ко мне спиной...

Дома я кратко записал на перекидном календаре эту непонятную мне сцену. В чем дело? Почему она испугалась даже ответить на мое приветствие? Может, она не замужем? Как говорится, «нагуляла»? Всего скорее так. Но я хотел лишь поздравить ее с предстоящим рождением нового человека, сказать, что родить ребеночка это уже подвиг, внушить ей простую мысль, чтоб она никогда не стыдилась беременности. Неужели и моя мать, родившая в голодный 35-й мою сестру, в страшный 38-й моего брата, тоже была такой? Нет, моя мать, родившая шесть раз, своей беременностью не стыдилась. Сестра, которая дала сегодня ягоды, собранные на родине, была в 42-м году младенцем. Я качал ее в зыбке, когда бабушка носила скотине поило. Уже через год, в 43-м, мы все пятеро осиротели. Отец погиб на фронте, но все мы, и дети, и мать, и вся наша родня, долго не верили этому. Ждали мы от тяти вестей, бегали за почтальонкой. Не дождались...

Оставим биографические подробности, оставим и драму в семье Рохлина, вернемся к нашей теме. К теме? Что за тема, спросит читатель газеты «Завтра». Тема простая: почему русские исчезают, сокращаются едва ли не на миллион в год.

Недавно (этот случай тоже помечен на листочке календаря) один мой приятель все-ррез, чуть ли не до развода, поругался с женой. «В чем дело?» – спрашиваю. Он говорит: «Не поделили бл...» Последовало, как считают, непечатное слово. (Хотя почему непечатное? Оно вполне литературное, еще протопоп Аввакум с амвона громил Никона этим словом, это запечатлено в житии.) Мне стало смешно. Приятель-то человек прямой и никогда не меняет добротные русские слова на синонимы иностранного происхождения. Убийцу называет убийцей, а не киллером.

– А чего их делить-то, – подначиваю я приятеля. – Проституток-то... Их и делить нечего, тем более с женой...

– О, ты знаешь, в мою семейную жизнь вмешался Пушкин!

– Как? Александр Сергеевич? Что-то не верится...

– А помнишь, что он говорил о женщинах? Не помнишь... Вот, а я сказал, что думал Пушкин о женщинах своей жене. Не дословно, конечно, приблизительно... Она как понесла и меня, и Пушкина! Чуть не матом. Такой крик открыла... а началось-то все из-за этого дурацкого пяточка...

– ?

– Газета так называется! – буркнул мой знакомый и побежал по делам. Ему всегда некогда.

Забыл бы, наверное, я этот случай, но вопрос о том, что говаривал великий поэт о женщинах, застрял в голове. Что-то когда-то я читывал, но где? Кажется, в журнальных статьях Пушкина. Давай искать... Вот он, пятый том серии «Огонька», 1954 года издания.

Начал читать и зачитался, забыл, что мне надо от Пушкина. Нет, вру, еще до этого я открывал два словаря: в одном искал слово на букву «б», в другом посмотрел, как пишется английское «киллер». У Ожегова нужного слова, конечно, не оказалось. Там и всего-то 52 тысячи слов. У Даля их было более 120 тысяч. Но что толку? Слово «боа» и там и тут, а того русского нет словечка! Надо глядеть в дореволюционном, то есть в царском издании Даля. Там-то оно наверняка имеется. Впрочем, не знаю, дореволюционного издания у меня нет. В другом словаре на все буквы сплошь – одна иностранщина! Этим и до Ожегова весьма далеко, не то что до Даля. А тираж убойный. (Побольше моего-то, если говорить о «губернаторских» вологодских книжках...) Готовили словарь почему-то в Назрани, а печатали в Туле... Ничего себе! Я поспешно отбросил словарь, так как влезешь в него и не выпутаешься. Сколько раз так и было.

Поспешно перелистал начало пятого пушкинского тома, начал читать и так увлекся, что забылось про все на свете.

Какое дивное чтение! К примеру, несколько строчек о цыганах, что на двенадцатой странице. Или взять заметку о собственном пушкинском стихотворении «Демон». Так и хочется выписать целиком.

«...сердце, еще не охлажденное опытом, доступно для прекрасного. Оно легковерно и нежно. Мало-помалу вечные противуречия сущности рожают в нем сомнения, чувство мучительное, но непродолжительное. Оно исчезает, уничтожив навсегда лучшие надежды и поэтические предрассудки души. Недаром великий Гете называет вечного врага человечества духом отрицающим». (Два последних слова выделил Пушкин петитом.)

Ну кто из нынешних критиков осмелится и сможет сказать так: «поэтические предрассудки души»? Или: «Москва девичья, Петербург прихожая», «Сумароков лучше знал русский язык, нежели Ломоносов...»

Сколько всего на одной тридцать девятой страничке! Но вот и то, что поссорило моего знакомого с женой:

«Браните мужчин вообще, разбирайте все их пороки, ни один не подумает заступиться. Но дотроньтесь сатирически до прекрасного пола – все женщины восстанут на вас единодушно – они составляют один народ, одну секту». (Как евреи, добавил бы я сейчас, но дело не в евреях. Речь пока о женщинах.)

Вот от каких слов Пушкина едва ли не разрушилась семья моего приятеля! Да что там о других говорить, и у меня бывали подобные стычки, и не только с женой, но и с дочерью, и с родными сестрами. (Каялся даже на исповеди.) Не было таких стычек лишь с родной матерью Анфисой Ивановной и покойной тещей Марией Васильевной. В чем тут дело? Неужто дело в разнице воспитания? Но Мария Васильевна в молодости носила наган на бедре, выданный как активистке. Анфиса Ивановна всю жизнь прожила рядовой колхозницей. Значит, было у них нечто общее... В каком смысле? Обе, и мать и теща, олицетворяли русскую женщину. Мне представляется, что и Пушкин, говоря о женщинах, исключал няню свою, Арину Родионовну, из этой «секты». Представить няню Пушкина курящей трудно, хотя сам Александр Сергеевич иногда и покуривал. Когда-то, излагая свой опыт бросания курить, я говаривал курильщикам, что мужик, не имеющий воли бросить дурную привычку, слабее любой бабы... Похоже, в наше время многие женщины перещегооляли мужчин в курении и публичном поглощении пива.

(Надо знать, что алкоголизация населения как раз и начинается с дешевого и доступного пива.)

Кажется, что я уже готов сделать литературоведческую статью с названием «Пушкин и наркомания». Но нет, с самого начала я задумывал этот материал как статью (даже памфлет) о политике и рождаемости. Но что получится, то и получится...

Дня за два до встречи с приятелем я послал в Краснодар телеграмму:

«Многоуважаемый Николай Игнатьевич! Наберитесь мужества и отзовите Ваш отказ баллотироваться на предстоящих выборах губернатора. Этого шага ждут от Вас не только Ваши земляки, но и все простые труженики нашей Родины, оскорбленной и униженной либеральными реформами. Несомненно, Кубань под Вашим водительством подсобит встать с колен всей России».

Ответа не было. Кондратенко промолчал. Может, не получил мою телеграмму? Были ведь у тебя и подобные случаи. Например, телеграмму Шолохову перехватили. Да ведь губернатору и необязательно каждому отвечать.

Кондратенко ответил выступлением в газете «Советская Россия» от 23 октября, как раз в день моего рождения. Надеюсь, многие вологжане читали этот номер. Но еще большее число вологжан получили упомянутый выше бесплатный «Пятачок», потому что у мно-

гих нет средств не только на подписку, но даже на покупку одного номера. Этот «пятаяк», откормленный объявлениями, силой запихивали в мой почтовый ящик. Сначала мы подозревали почту, однако почтальоны в этой диверсии не участвуют. Как видите, слово диверсия пишу без кавычек, поскольку один «пятаяк» действует намного хуже тротила. Сколько раз я ругался с разносчиками и разносчицами этой рекламной заразы! Посулят, скажут, что не станут больше забивать ящик, нет, снова пихают...

«Пятачок» гигантскими буквами публикует вот какие поэтические шедевры:

«Мы выполним все ваши желания. Всегда у нас пять бутылок пива и шампанское бесплатно».

Заметьте, постоянное дьявольское слово, употребляемое разнообразными бесами: «бесплатно». Мамона-то знает, что делает...

«Пристрастившись к деньгам, – говорит Иоанн Златоуст, – неизбежно бывают и завистливы, и склонны к клятвам, и вероломны, и дерзки, и злоречивы, и хищны, и бесстыдны, и наглы, и неблагодарны, и исполнены всех зол». По слову того же святителя, жившего много веков назад, такие люди идут на обман даже в языке, все добродетели кличут на свой лад: «скромность неучтивостью, кротость трусостью, справедливость слабостью, смирение раболепством, незлобие бессилием».

Под проститутским воззванием стояла знаменательная подпись: «Гармония». Подумалось: уж не гимназия ли? Только что я послал туда сказку в стихах. (В сказке действует медведь, кот, лиса и еще кое-кто.) Если ребяташки поставят по этой сказочке школьный спектакль, то я с радостью пойду в гимназию «Гармония» вместе с Ольгой Сергеевной – потомственным педагогом. Отнес я сказку и в кукольный «Теремок», ведь здесь ни разу не удосужились меня поставить, хотя живу в Вологде почти пятьдесят лет, и ставить было чего... Не вспоминаю о Государственном драматическом и о ТЮЗе. Нехорошо пропагандировать самого себя. Значит, я не подхожу вологодским лицедеям по таланту.

Вернемся к пресловутому «Пятачку».

Гигантскими черными буквами и не менее крупной цифирью телефонов уляпана вся вторая страница, да и на третьей имелась добавка. Чьих телефонов? Да тех самых бл..., как их много веков называл русский народ! У Чехова есть рассказ о том, как друзья обучают студента ходить в публичный дом. Так вот, меня поразило то, что в тогдашней Москве этих заведений было меньше, чем в нынешней Вологде. Судите сами:

«Ночное рандеву». Остановка по требованию для тебя и твоих друзей. 24 часа(+) 30 минут. Приглашаем на работу».

На какую работу? Ничего не понимаю, такой уж дурак уродился. Не понимаю, и все тут! До сих пор не знаю, о какой работе идет речь в «Пятачке». Особенно умиляет этот «плюс». А почему не «минус»?

Читаем «Пятачок» дальше: «Империя страсти», без комплексов. Приедем к вам», «Магис» (по латыни), «Дикая орхидея», «Эммануэль», «Шалуныя», «Сандра» (опять по латыни), «Фея», «Красотка» и т. д. В серединке скромненько сообщение насчет шинного монтажа...

Слово «любовь» в русском народе никогда не употребляли для обозначения сексуального совокупления, которое называется обычной случкой. Да, это случка, если мужчина и женщина не были под венцом, на худой конец хотя бы в сельсовете или во Дворце бракосочетаний. На Западе даже Хемингуэй называл случку любовью. Но мы-то не Запад! Мы же православные люди. Многие из нас крещеные, хотя полно и нехристей, как говорят в народе.

Хотелось выйти на улицу и кричать на всю нашу Вологду: «Какой позор!!!» Какая мерзость, какая гадость для всего нашего прекрасного Севера, для всей России, для всех русских и нерусских женщин, живущих в Вологде! Какой позор для журналистов, учителей, всевозможных писателей, артистов, художников и художниц, для всех бюджетников и адми-

нистраторов, коих ведут к новым рынкам наши губернатор и мэр! Какой позор и для поющих на храмовых клиросах, для всех выступающих в Домах культуры...

Почему все молчат? Ни звука, словно так и должно быть... Впрочем, говорят, что прощечено что-то самому Путину, конечно, прощечено на бумаге...

Иду на улицу, чтобы успокоиться, но на троллейбусной остановке около ТюЗа висит красочная афишка, а на афишке малыш в возрасте первоклассника и взрослая девица спортивного вида. Мальчик оттянул у девицы подол выше пупа и рассматривает, что там имеется. Наверное, на афише коллаж, но все равно – гадкое зрелище... Вот это свобода! Демократическая, дорогой Вячеслав Евгеньевич. Разрешается делать все, что не запрещено законом. Не так ли, господа демократы?

«Стыд объявляется «отрицательным эмоциональным состоянием», вина и раскаяние – тоже», – говорит О. А. Кольчугина в статье «Даешь секспросвет?!» (журнал «Свет», № 9). Но так называемое сексуальное воспитание малышей – это не мода, это прямое действие бесов. Жертвы моды рожают и дальше таких же жертв. Несть конца всему этому! Ни мужчины, ни женщины просто не думают о здоровье. Прочитайте, что говорит один ученый, автор статьи «Падение» в том же номере упомянутого журнала. Хотя в том же журнале «Свет» печатается множество всякой дьявольщины, почитайте эту статью. Как известно, дьявол маскируется и соседством с добрыми, то есть православными публикациями.

«Конечно, – скажет депутат-демократ, защищенный депутатской неприкосновенностью, – это и есть подлинная свобода». Неприкосновенность и начальнический ореол защищают подобного законодателя не хуже брони. Осмелюсь заявить: это совсем не свобода. Это порабощение. Это служение мамоне, иначе дьяволу. Почему, спросят, дьявол с маленькой буквы? Спросите у владыки Максимилиана...

И вспомнились мне покойные теща с матерью. Эти слова (теща – это Богом данная вторая мать) следовало бы писать с заглавных букв, что я почти никогда не делал... Вспомнились мне и строки в поэме «Мороз, красный нос», посвященной сестре Некрасова:

Есть женщины в русских селеньях
С спокойною важностью лиц,
С красивою силой в движеньях,
С походкой, со взглядом цариц.
Их разве слепой не заметит,
А зрячий о них говорит:
«Пройдет – словно солнцем осветит!
Посмотрит – рублем одарит!»
Идут они той же дорогой,
Какой весь народ наш идет,
Но грязь обстановки убогой
К ним словно не липнет. Цветет
Красавица миру на диво,
Румяна, стройна, высока,
Во всякой одежде красива,
Ко всякой работе ловка.

...Прочитайте некрасовскую поэму, вологодские и все остальные женщины! Ей-богу, это не помешает ни вам, ни вашим мужьям, ни сыновьям. Совсем не обязательно каждой женщине входить в горящую избу или на скаку останавливать коня. Для этого есть мужчины (мужья, сыновья, внуки, деды). О них разговор нужен отдельный.

На этом я и хотел бы закончить свою статью. Но случилось это в субботу 5 ноября, в день праздника. Об иконе Казанской Божией Матери знают, наверное, все. То, что говорили о русской женщине Н. А. Некрасов вкупе с Ф. М. Достоевским, тоже все знают. Но одного Пушкина иной раз достаточно, чтобы пересилить сразу двух классиков. Иной раз даже два-три русских классика не могут потягаться с одним абзацем из Пушкина. Поэтому не торопитесь, читатели, с выводами. Да и Николай Игнатьевич Кондратенко – могучий кубанский казак – тут слегка подсобил Пушкину. Сделаем небольшую выписку из его интервью «Советской России»:

«Не надо думать, что сионизм отступит. Нас на миллион каждый год меньше – это уже победа сионизма. Это значит, что завтра не будет детей у тех, кто сегодня не родился и умер раньше срока... И вот мне хочется сказать: врете вы, русские, что не знаете, что с вами происходит! Когда у вас завелись диссиденты, то каждую листовочку передавали из рук в руки, читали, верили, питали интерес. Это и было то, что называется – политическая активность масс».

...Сами решите, ладно ли поступил Николай Игнатьевич, отказавшись от выборов, и правильно ли сказал А. С. Пушкин о женщинах «вообще».

Похвала современному депутату Вместо рецензии на книгу Л. А. Тихомирова

Отчего в мире так много желающих стать хоть маленьким, но депутатом? Что двигает человеком в его стремлении к власти? Пытаясь разгадать эту загадку, читаю собственное депутатское удостоверение: ОБ № 11, 1989—1994. Сплошь гербы и печати. На голубом фоне – мелкая неразборчивая горбачевская подпись. Чернила тоже голубенькие... С запоздалым тщеславием штудирую вставную карточку, подписанную Лукьяновым: «...пользуется правом бесплатного проезда...» Стоп! Вот, наверное, в чем дело. Да нет же... Перед своим депутатством я об этом не думал. Ни сном ни духом не ведал о таких привилегиях. Объяснение бесплатной ездой не подходит. Деньги, чтобы летать и ездить, были тогда свои. (Позже, правда, вошел во вкус, начал ездить, верней летать, бесплатно.) Нет, не то. Тогда что же дало первый толчок? А вот что: гостиница! Вспомнил про нее и... не стал противиться обстоятельствам. Сколько трчено сил, сколько проглочено обид из-за этих столичных гостиниц! Приезжая в Москву, найти приличный ночлег было не так и просто. Ездить же приходилось частенько, литератора и тогда, как волка, кормили ноги. Получив депутатский мандат, я вздохнул свободно... Конечно, повлияло и некоторое тщеславие: надо же – депутат! Мать и жена во всяком случае гордились... И все же, главное было не в этом. Наивный человек, я искренне верил, что смогу сделать что-то полезное хотя б для крестьянства – самого терпеливого, самого забитого, но и самого надежного в государстве слоя. Не зря реформаторы его так активно вымаривают. Вот что двигало мною. По той же причине согласился и на членство в Верховном Совете. Открывался доступ в ЦК. Не по своим нуждам ходил я в Совмин, Н.И. Рыжков не даст соврать. Ну, а что двигало, к примеру, Шеварднадзе или же Собчаком? Сие мне неведомо... (Но представить можно, кому и для чего до зарезу нужна была власть.) Вспоминая свою колхозную жизнь, исчезающие русские деревни, представляя погибших в годы раскулачивания, родного отца, лежащего на Смоленщине в трех могилах, наконец, припоминая сцены из повести Зазубрина «Щепка», я с тревогой проголосовал за отмену шестой статьи... Позднее выпросил у Лукьянова ротацию и навсегда покинул роскошный Кремлевский зал. «Почему? – спросит читатель. – Ты вот покинул, а другой занял...»

Потому, во-первых, что профессиональная деятельность никак не увязывалась с депутатской. Литературные планы трещали по швам. Потому, во-вторых, что надвигались новые, отнюдь не крестьянские времена. На мои выступления перестройщики то и дело шикали. Горбачев со спикером не допускали порой ни к трибуне, ни к микрофону. Суевливый «защитник» народа Черниченко не пригласил даже на свой дилетантский «крестьянский» съезд.

Сидел я в одном ряду с Ельциным – на переднем. Перемогал дни под самым носом у хищной птицы, называемой телекамерой. (Сия птичка, командующая целыми государствами, опасней, пожалуй, целой стаи «фантомов», которые нацелились бомбить беззащитных сербов.) Она планомерно, с дьявольским терпением водила своим носом по депутатским рядам. Положим, я ее не боялся, но надоедала она до тошноты!

Нынешние депутаты не хуже меня знают об этих птицах... Наши «народные», такие, как Собчак, готовы были и ночевать вместе с телевизионщиками. Есть, вероятно, и сейчас эдакие. Они то и дело лезут прямо под ядовитую оптику, аж треноги с места сдвигают. «Но не все же в таких клетчатых пиджаках, как Собчак! Имеются в Думе и порядочные», – утешаю себя.

Нет, депутатам я не завидую. Не сладко ни прежним горбачевским, ни теперешним ельцинским, разделившим Думу на фракции, как во всяком европейском конвенте. Вон Анатолия Ивановича Лукьянова объявили натовцы лучшим европейским спикером (не будем спра-

шивать, за что). Но, когда пришло время, они же его и упрятали в «Матросскую тишину». Что хотят, то и творят.

Чему тут и завидовать? Лишь хасбулатовские депутатские пенсии смущают иной раз мою грешную душу. Но хасбулатовцы, хотя и не все, но выстояли под еринскими автоматами и грачевскими пушками. Слава таким! Так что пенсии этих депутатов можно считать заслуженными. Признаюсь: я, гослауреат, почетный академик каких-то трех академий, экс-депутат (и тэдэ, как говорится, и тэпэ) хасбулатовцам иной раз слегка завидую, потому что наша депутатская генерация пенсий себе не выхлопотала, а стариковская «стипензия», как я ее называю, тянет на один купейный билет до столицы. Правда, туда и обратно. Если ехать в общем вагоне или в плацкартном, то остается еще и на какую-нибудь книжку, вроде сборника Льва Александровича Тихомирова. Этот автор так интересно, так ясно пишет о русской государственности! Искренне советую каждому кандидату в депутаты прочесть хотя бы одну книгу Льва Тихомирова. Замахивающийся на президентское кресло (трон по-теперешнему) обязан прочесть две: одну про монархию, другую о демократии. Читал ли эти книги, например, господин Брынцалов? Очень сомневаюсь. Боюсь, что и другие пропустили...

Читатель «Парламентской газеты», вероятно, уже заметил, что автор переходит иной раз на иронический тон. Это отличительный признак перестроечной публицистики. Усвоили его и многие депутаты. Только кому нужны наши слова? Требуются дела. Митковы и Киселевы, орудующие в телевидении, так нас заморочили, что для многих Россия стала вроде мачехи, и мало кто знает, что делать. У депутатов времени читать Тихомирова нет. Миллионы обычных людей только о том и думают, как бы прокормиться и одолеть еще одну зиму. Ах, сколько тысяч заброшенных деревень исчезнет опять с лица родной земли! Сколько стариков перемерет в промерзших деревянных домах! А черномырдинский газ течет да течет в Европу, отапливая жилища немецких и австрийских бюргеров. Сынки этих бюргеров, уже пристегнутые к сиденьям, наладились бомбить сербские города. Отцы этих летчиков-молодцов не забыты уцелевшими русскими вдовами. Что ж, неужели такова участь полуголодных русских вдов: обогревать европейские виллы, самим замерзать в дырявых избушках? Спивающимся их сыновьям тоже нет времени защитить своих матерей от холода-голода. Сыновья без усталости качают газ из Ухты в Европу.

Бюргерам – газ, нам – газировку и спирт «Рояль». Плюс жвачку и всякие сникерсы. Дело идет бойко. А я-то, дурак, будучи депутатом, однажды публично похвалил Черномырдина. Этот грех случился еще в ту пору, когда ЧВС только-только нацеливался на газовую промышленность. Выходит, накаркал я на свою же шею. Читатель «Парламентской газеты» позволит ли привести несколько строк Пушкина? Эти строки пришли на ум, когда я снова думал о Черномырдине:

В лесах во время ночи праздной
Весны певец разнообразный
Урчит и свищет, и гремит,
Но бестолковая кукушка
Самовлюбленная болтушка
Одно ку-ку свое твердит.
И эхо вслед за нею тоже
Накуковало нам тоску!
Хоть убегай. Избавь нас, боже,
От элегических ку-ку!

Сравнивать Черномырдина с «певцом весны разнообразным» – соловьем – никто, наверное, не осмелится. Элегические трели Виктора Степановича известны за рубежом и

дома. Этот Мирабо поразил нас всего лишь одной удачно сказанной фразой: «Хотели как лучше, получилось как всегда». Такой, право, шутник Виктор Степанович... Да и то, вероятно, выпрыгнуло случайно. Ничего он не хотел «как лучше». Депутаты показали ему на дверь – молодцы! И на том спасибо.

Что ни говори, а нынче мудрее пошел депутат. Хоть и на ходу, а научились и начали думать. Даже Владимир Вольфович не желает больше мыть сапоги в индийских водах.

Думает Дума, думает, хотя Черномырдин, не умея связать и двух слов, все еще метит на самую высшую должность. Пардон! И другие политики, примеривающие свои торсы к президентскому трону, тоже не менее косноязычны. Боже, «какая смесь одежд и лиц, племен, наречий, состояний». Опять вспомнился Пушкин. Не хватало нам еще брежневского отпрыска, объявившего себя генсеком новой непонятной партии. Этот, вроде бы, хоть в президенты не метит. Но поди знай. И мерещится каждому, что избиратель его поддержит... «Электорат» же, как теперь кличут нашего брата (рядового митковско-киселевского зрителя), опять в растерянности. За кого голосовать хоть бы и в 2000 году? А вдруг Ельцин каким-либо «непредсказуемым» способом оставит согретое место?

Друзья-депутаты, а не пора ли и отменить заемную у Запада конституцию, вычеркнуть из нее нерусскую президентскую должность? Не пришло ли время и об этом подумать?

Но теперь не тут-то было. Товарищи из межрегиональной группы зря, что ли, совершали переворот? Не с бухты-баракты они вводили всяких префектов, мэров, президентов. Смердяков, – извечное чадушко Лизаветы Смердящей, живет и здравствует... Чужебесие, особенно в таких столицах, как Москва, Киев и С. – Петербург, по-прежнему главная язва в нашем характере (менталитете, как принято говорить у реформаторов). У нас, как заметила одна старушка, «то коммунизма, то капитализма». «Не время ли России уж и по-своему жить?» – добавил бы аз грешный. Сколько же еще попугайничать? Сколько лет еще прискакивать на запятки трясучего европейского тарантаса?

Думаю, что еще долго будем цепляться за сей тарантас... Прежде, чем оставить дурную подражательскую привычку, надо избавиться хотя бы на время от митковых и киселевых, то есть от электронного Смердякова. Без этого нам не научиться беречь матерей и мужественных генералов, каким был расстрелянный Рохлин.

Увы, полуголодный и полубомбочный «электорат» часто предпочитает иных генералов, кои сродни кукушкам. Эти даже военную службу называют работой. Можно ли представить Суворова, Багратиона, Скобелева на работе? Они служили Отечеству! Работали мужики, крестьяне и мастеровые, они и генералов своих содержали худо-бедно сытыми. А главное – в чести. Теперь вот и прокормить мы не в силах своих защитников. Глядя на птичьих генералов, лейтенанты, к удовольствию киссинжеров и бжезинских, начали палить в собственные виски. Солдаты, по примеру старших, тоже не служат, а работают, хотя и под бдительным оком собственных матерей.

До государственного ли строительства в таких условиях и членам Федерального Собрания? Тихомирова им читать нет ни времени, ни желания. Хоть с «кукушкой» управились, и то добро... С другими птицами справятся ли?

Думаю, что и более образованные, чем господин Брынцалов, не ведают, что такое три вида верховной власти и в чем разница между ними. Я тоже узнал об этом лишь недавно: книги Тихомирова о государственном строительстве достать не так-то и легко. Это сексуальные опусы в удручающем изобилии лежат на каждом углу. Глава комитета Говорухин ни в какое «отхожее» место эти шедевры реформированной нравственности не загнал и, судя по всему, не загонит, хоть и посулил.

Сулить-то мы все мастера. Чего только России не посулил Б. Н. Ельцин еще тогда, когда он президентом не был и командовал сошедшей во мглу истории депутатской группой (Афанасьев, Попов и прочие). Однажды я попросил у Бориса Николаевича аудиенции для

краткого разговора. Последовал широкий жест: «Пожалуйста!» Я простодушно сказал, что хотел бы поговорить с ним о крестьянстве и сионизме. Лицо его вытянулось. Борис Николаевич замолчал, как рыба.

Я понял, что встреча откладывается и, вообще, вряд ли состоится. (Если б она состоялась, может, и моя «стипензия» была бы примерно такая же, как у Марка Захарова. А то и побольше. И я издал бы сразу шестнадцать томов.) Господь спас. Да и зачем бы мне сразу шестнадцать? На такую кучу у меня и матерьялу не хватит, а для поддержки штанов достаточно бы и одного тома, который хотят издать, да почему-то не издают.

Похоже, опять жалуясь. Прикусить бы язык! Что значит моя персона, если... Не будем уточнять, что следует за этим «если». Все, кто смотрит на мир не птичьими глазами телекамеры, а своими очами, о происходящем в стране и в Москве знают великолепно.

Недавно я, подобно господину Тополню, который увещевал банкира Березовского, обратился с увещеваниями сразу ко всем столичным жителям. На мое обращение Москва и ухом не повела. Чего уж с банкиров-то спрашивать? Банкиры не внемлют предостережениям...

За что почти все мы так любим Москву? Перечислю, за что я лично беззаветно любил ее. Ну, первым делом за то, что она была столицей. За университет, за ее высшие учебные заведения, за обилие музеев, за ее удивительную архитектуру. Да мало ли за что мы любили столицу? Чего стоило одно добросердечие московских теток. «Просвирни», у которых учился когда-то русскому языку А. С. Пушкин, живут и в нынешней Москве. «Ну, а за что ты ее разлюбил, Москву-то?» – спросит веселый циник из какого-нибудь «Телеграфа» или «Общей газеты». Во-первых, за попытку предать Родину, отделиться от России, обособиться. Иначе зачем бы Москве свое, отдельное т. н. правительство? Хорошо, ежели Лужков пресечет эту попытку. Но позволят ли олигархи сделать это благородное дело?

Как легко сбиться с благодушного и даже иронического тона среди сплошной купли-продажи, среди нескромного изобилия забугорной лексики, среди жалких челночных толп, милиционеров, бандитов, иностранных шпионов, журналистов, проституток. И... собак. Особенно разлюбил я столицу за латинский шрифт и рекламу.

Мы забываем, что

Москва строится,
Москва торгует,
Москва пресмыкается,
Москва хамит...

Так за что ее нынче чествовать и любить нынешнему провинциалу, т. н. «россиянину»? Ведь иному реформатору произнести слово «русский» – и то головная боль. У Ельцина во всяком случае язык никак не поворачивается выговаривать это ненавистное для космополитов слово. У него эта болезнь еще с тех времен, когда он сидел в обкомовском кабинете г. Свердловска. Подражая Борису Николаевичу, и москвичи слово это не то что бы разлюбили... Подзабыли. Не все, конечно.

Москва-то действительно строится, пожалуй, не хуже, чем во время строительства коммунизма. Роскошные жилые дома с гаражами и башнями для новых миллиардеров, банки с причудливыми архитектурными излишествами, памятники а-ля Церетели, подземные и наземные дворцы. Бульвар километра на два (Сиреневый), как по мановению волшебной палочки, огородил ажурной чугунной оградой, бетонируют, асфальтируют, сажают цветы и деревья (бюджет целой области на один такой бульварчик). Средняя пенсия больше, чем вологодская, платят, по-моему, всегда в срок. Гонконг? Государство в государстве? Похоже на Гонконг. Свои законы, свои адвокаты-судьяники, свои банки и банды. Горы арбузов и дынь. Кавказ командует не на одних только базарах. Он, Кавказ-то, стреляет, поет и пляшет

лезгинку. Благодарит генерала Лебеда за отрыв от России Чечни и Молдовы. Или наоборот: Россия отделяется от Чечни и Молдовы?

О фокусах, которые вытворяет московская пресса вкупе с телевидением, и говорить стыдно. Жена А. С. Пушкина, например, называют «мадмуазель Натали». Как, наверное, трепетала и кипела душа великого поэта, когда на конкурсе десятиклассников калужские культуртрегеры и корреспондент ОРТ переименовали Наталью Николаевну в «мадмуазель», сделали ее француженкой! Проглатывает Дума и другие сюрпризы. Как не вспомнить гневные строфы Лермонтова, которого по-прежнему, как огня, боятся «надменные потомки известной подлостью прославленных отцов». Но таких тонкостей слушатель т. н. «русского» радио просто не замечает. Словом, господа-реформаторы пытаются хитростью отобрать у русских Москву... Сопrotивляется ли мэр Лужков? Вроде бы, да. Но банкиры с двумя подданствами (может, у иного и три подданства?) лицемерно празднуют 850-летие русской столицы.

«Как вы относитесь, например, к рекламе?» – спрошу я незомбированного, т. е. нормального человека. Хотя депутатский корпус и опирается на западное отношение к этому новейшему для нас явлению, реклама у нормального русского вызывает рвотное чувство. «Как? – тотчас завопит реформатор. – Весь мир нуждается в информации и рекламе, реклама – двигатель торговли, а без торговли нет никакого прогресса». Однако лишь круглому дураку неясно, что информация и реклама совсем не одно и то же. Разница между ними самоочевидна. Пошлая, иногда и развратная реклама с дьявольской хитростью маскируется, прячется за информацию и беззастенчиво лжет, дезинформирует человека. Это орудие дьявола, а не Бога.

Вся Москва заляпана рекламой, не жалко кому-то ни дорожкой бумаги, ни лучших красок. Щиты, пропагандирующие табак, торчат на улицах повсеместно. (Жалкие приписки о вреде курения выглядят лицемерно.) А какой высокой чести удостоена в Москве алкогольная отравка человеческих нервов и крови! Венечке Ерофееву ставят сразу два памятника. Нет, не напрасно демократы сделали алкоголь орудием оглушения наравне с телевидением. Весь мир везет на Русь-матушку ядовитую жидкость, а президент преследует генерала Николаева, пытавшегося останавливать и возвращать восвояси цистерны с ядом. Генералу пришлось снять погоны и спрятаться в Думе... Совсем недавно реформаторы в числе продовольственных товаров числили «спирт питьевой». Эх, сколько душ не досчитала Россия, угощающая своих граждан таким продуктом! Призывы академика Углова и других ученых депутаты покамест не слышат. По-видимому, у них, как у девушек из пословицы, «уши-то завешаны золотом». Забота пока одна: доллары! Помню мужика, просившего в долг денег в соседней избе. Топилась маленькая печка. Мужики, сидя у этой печки, решили закурить. Просивший в долг свернул сигарку, вытащил коробку спичек и чиркнул спичкой, прикурил. Хозяин говорит: «Нет, парень, не дам я тебе в долг». Кочергой выкатил из печки уголек, взял в задубелые пальцы и прикурил свою сигарку. Хотя и спички в кармане брякали...

Вспоминаю этот эпизодик при каждом западном транше...

И возникла мода

При отмене властью обряда крещения люди сами стали давать имена младенцам. Возникла мода на некоторые христианские имена. Кое-кто из ярых безбожников начал имена выдумывать, конструировать, но фантазия иногда отказывала родителям, и новорожденный нередко получал самое нелепое имя. Не имя – кличку! Мерзость язычества соприкоснулась с русским народом... Грешный я человек, хоть и знаю кое-какие молитвы Господу... Сравниваю я моду с проказой человечества. Она ядовитой ползущей плесенью покрывает весь земной шар. Можно ее сравнить и с чумой, которая еще в древности выкашивала миллионные толпы. Бродит эта чума по всем островам и материкам. Она не щадит никаких народов. Кроме религии ее ничто не страшит, ни века, ни тысячелетия...

В минувшем столетии ее вежливо называли «отблеском нравов известных времен...». Всего лишь отблеск времен! Ни больше ни меньше. На глубоко религиозного человека мода не влияет, тут ее вирус не действует, но и в среду миллионов верующих она проникает. Примеры? Пожалуйста! Межконфессиональная борьба никуда не делась. Мода на чужебские преследует русских, может быть, от времен Александра Невского до дней Путина.

«Как сладостно отчизну ненавидеть!» – зывает поэт Печерин, подражая самому Смердякову, хриплому рупору общего врага человечества. У Печерина до сего дня имеются подражатели. Мода на дьявольщину не исчезает.

Народная, то есть национальная жизнь чужда моды, такая жизнь буквально во всем естественна. Мода, проникая в народную жизнь, подобна червю, оставляющему за собою гнилое выеденное пространство. Мода противоречит народной жизни во всем буквально: в искусстве, в еде, в музыке, в одежде. Особенно в одежде, и особенно в женской одежде. Трудно преувеличить в этом деле влияние на народ средств массовой информации, т. е. телевидения, красочных газет и журналов, выпускаемых доморощенными и привозными бесами в громадных количествах. За какой-то десяток перестроечных лет отучена, к примеру, от национальной одежды целая нация. Русские женщины перестали быть русскими, превратились как бы в китаянок. Они не обращают внимания на то, что дешево и красиво, что дорого и нелепо, что хорошо, что плохо... Лишь бы выглядеть «модно». Для кого, для себя или для мужчин? По-моему, для иных женщин... Они убеждены, что ходить в брюках удобно, значит, можно. Женская подражательность в одежде потрясающая: тут мода просто свирепствует, не признает ни такта, ни здравого смысла. Например, откуда взялась мода на пиво и курение? Даже верующие женщины и девушки иногда забывают, что в Библии сказано четко и ясно: «На женщине не должно быть мужской одежды и мужчины не должны одеваться в женское платье, ибо мерзок перед Господом Богом твоим всякий делающий сие».

Какой «отблеск нравов» останется от нас хотя бы через тысячу лет? Разбираться, что такое хорошо, что такое плохо в национальной, т. е. народной жизни мы до сих пор не научились. Находимся, так сказать, в детском возрасте... Под влиянием дьявольских сил наш народ заигрывает с бесовской властью, нет у нас четкого понятия об иерархии духовных и прочих наших врагов! Четких понятий о соращениях, об искушениях. Увы, нет. Процесс апостасии не остановлен, хотя и построен в Москве грандиозный храм во имя Христа Спасителя.

Надо бы еще и признать, что существует просто мода на моду... Автор не богослов, он обычный верующий, но осмеливается утверждать хотя бы, откуда пошла «мода на моду», какого она родства, кто ее породил, нашу духовную разноголосицу... Итак, «мода на моду». Что это значит? Знать бы звучную, незаменимую латынь, я тут же сказал бы еще короче. И быть может, это выражение стало бы пословицей, его поняли бы даже студенты техникумов. Но латынь названа мертвым языком и убрана из программ просветительских. Русский язык

от этого ничуть не выиграл, смею думать, французский тоже... Латынь дисциплинировала все европейские языки. А реформирование русского привело в конце концов к его обеднению. Уже интеллигентские дамочки, торгующие породистыми щенками, отменили русские слова кобель и сука, назвали одного мальчиком, другую девочкой. Такие, право, блюстители нравственности! Они не прочь бы сменить и кириллицу на латынь (что и происходит на Балканах), да народ пока не готов к такому закону.

Мода менять родную веру на чужую, мода отказываться от собственного алфавита существует даже у некоторых «крутых» мусульман. Я вижу в такой моде некоторую подпитку межконфессиональных свар и даже чеченской войны. Точь-в-точь, как с народной музыкой! Не знаю, есть ли у меня право обличать, кажется, есть. (Не буду выписывать страницу из Иоанна Златоуста, чтобы подтвердить право на обличительство.) Впрочем, одного обличительства, когда говорят о моде, явно маловато. Не мешало бы присоединить к нему и эстетику. Художественная грань «магического кристалла» затронута в моей заметке, напечатанной в «Русском доме».

Мода на чужеземные обычаи, несомненно, сильна и, на мой взгляд, весьма зловредна для православного, воцерковленного человека, это не надо и доказывать. Но говорить о моде в политике приходится то и дело... О моде на инородную экономику надо писать отдельно, хотя суть ее та же, что и прочего чужебесия.

К несчастью, появилась уже и мода на бесстыдство. Что может чувствовать здравомыслящий человек при виде целующихся на улице, да еще демонстративно? Наверное, отвращение, больше ничего. Понятие стыда никому, наверное, не надо объяснять и разжевывать. Увы, кое-кому надо и объяснять, и разжевывать, поскольку мода на бесстыдство внедрилась каким-то образом в человеческий быт и даже в профессиональное искусство, а не только в стихийно-народное. О народной музыке и музыкальных инструментах мне уже приходилось и говорить, и писать. (Не буду повторяться, хотя и следовало бы, потому что разложение общества и разрушение государства происходит сейчас больше именно через музыку, нежели через печатное слово.)

Однако бесстыдство, в том числе музыкальное, не ходит по миру без помощи печатного слова. И тут сразу приходит на ум реклама. Моде на потребление наркотиков, к примеру, на женское курение и на молодежное пиво, моде на проституцию подвержены больше женщины (словечко «проститут» еще не вошло в быт, но «сутенер» давно в действии). О рекламе и средствах массового оглушения граждан следовало бы создавать целые научные диссертации, достойные самых престижных премий. Только даются-то награды, скорее, наоборот, т. е. тому, кто самый нахальный. Судите сами: все ведь теперь на виду...

Конечно, с позиции либерализма всех рассуждающих подобным образом следует называть не менее как духовными санкюлотами, мизантропами. Стоит сказать против дурной моды – хотя все моды подряд дурны, и вас тут же те же газетчики «МК» обзовут мракобесом. Либерал-демократ готов обвинить в обскурантизме любого, кто осмеливается проявить голос, кто думает не по-сатанински, а по-христиански. В глазах либерала ханжой выглядит и монах, и священник. Возьмем женскую, особенно русскую женскую приверженность к чужебесию. Стоит хоть слово сказать о коротеньких, едва дотягивающих до ягодичек юбочках, и тебя тут же обзовут отсталым, некультурным либо обскурантом, то есть противником прогресса вообще. Между тем такие юбочки, да еще на широте, коя соответствует отрицательной среднегодовой температуре, приводят миллионы прекрасных здоровых девушек в урологические кабинеты. Такие моды, игнорирующие зимний мороз, лишают миллионы людей счастья деторождения и здорового супружества. Увы, либерал за такие слова сочтет по меньшей мере противником женского равноправия. Но какое же тут усмотрено равноправие? Право на продолжение рода принадлежит не одним женщинам-суфражисткам, но и мужьям нормальных женщин. Оставим пока не только нравственную, но и медицинскую сторону

нашего разговора. Не дай Бог, могут приписать автору «сексуальную озабоченность», кто-кто, а либералы-то приклеивать ярлыки мастера. Умеют, ничего не скажешь...

Древо зла

Однажды отказалась Россия от обычного двенадцатимесячного, то есть годового, отсчета времени. Решительно перешла она сразу на пятилетний отсчет. Размах получился необычайный!

Пятилетка, пятилетка,
Пятилетка, молодежь.
Из-за этой пятилеточки
В сыру землю уйдешь.

Так пели девчонки, которых заставили рубить и возить тяжелые бревна, ночевать в лесных бараках вместе с мужским полом. Примерно тогда же родилась и другая девичья песенка:

Задуманная подруга,
До чего мы дожили,
Из-за честности на девушек
Налог наложили.

Пятилетки пташками полетели над нами. «Сократились века!» – говорили православные люди. Пятилетние порции отсчета быстро устарели, и Россия, подтверждая правоту Иоаннова откровения, быстро перешла на семилетний отсчет.

Да, время – философская, вернее, религиозная категория. С такими понятиями шутки плохи...

Почему я говорю об этом? Еще в начале 80-х годов в статье «Против зеленого змия» пытался я сказать, какое великое древо зла вырастает на русской земле, как быстро и глубоко пускает оно в нашу землю свои корни, как много мерзких плодов цветет на его ветвях, овеваемых безбожными вихрями. С тех пор проскочили три пятилетки. Интернациональная власть и ее троцкистское окружение не только не рубили зловещие корни дерева зла, но всячески удобряли безблагодатную почву. Зеленый змий с каждым годом все комфортнее устраивался в кроне, укреплялся на мощных его ветвях, и русский народ не знал, каким топором рубить это могучее древо зла и страданий.

И впрямь, с какого боку подступиться, чтобы срубить и спастись? Нельзя говорить, что не было опыта, что народ сам виноват. Неправда, опыт был! И этот опыт всегда исходил из православной веры. Впрочем, еще до святого креста, поставленного на киевских горах апостолом Андреем Первозванным, – у русских язычников не было пиетета перед хмельными напитками. Эту истину доказывают былины и народные песни, дошедшие до нас из глубочайшей древности. И напрасно приписывают св. Владимиру высказывание по поводу пьянства, дескать, с него пошло это «веселие на Руси» есть питье. Клевреты зеленого змия изошрены в демагогии. Они намеренно забывают, что св. Владимир, говоря о красоте и веселии, говорил о вере, не зря же он и избрал для русских как раз Восточное Христианство. Не позарился он на латинскую веру или на мусульманскую, позволявшую объявлять джихады. И тем более не мог позариться он и на иудейскую. Знал он или только чувствовал разницу между иудейским законом и благодатью? О той потрясающей разнице между законом и благодатью, о которой так вдохновенно и так ясно сказано митрополитом Илларионом в своем «Слове», многие православные не знают и до сих пор, особенно те верующие, которые склонны к экуменизму. А в более поздние (передние) времена разве не боролся народ

со своим губителем – зеленым змием и с деревом зла? Припомним хотя бы созданную русским народом убийственную сатиру на пьяниц, сатиру на тех, кто способствовал – спаиванию: о власть ли предержавших речь, о монахах ли, о белом ли духовенстве, допуславшем пьяные праздники. Так что не надо сваливать свою собственную личную беду на народ. (Это я говорю о пьяницах-патриотах, о пьяницах-демократах, о любой власти, начиная с монархической, которая держится на пьяном бюджете. Нет, народ испокон веку как раз боролся с любым зельем, табак это или водка, или гашиш, или новейшая наркотическая химия.

Всегда пили? Чушь! Во-первых, не всегда и далеко не все, во-вторых, и сами пьющие проклинали зеленого змия, как соловья-разбойника, угнездившегося в кроне дерева зла. В этом смысле не лишним будет сказать, что происходило в народе и государстве русском, когда шла война с Германией и царь Николай, ничуть не боясь за государственный бюджет, разрешил бороться с зеленым змием самому народу. И народ разделался со своим мучителем по-своему, жестко и определенно: то есть установил сухой закон. А как было иначе?

Вот как говорилось в своде морских правил поморов – Устьянском правильнике: «Всем ведомо и всему свету давно проявлено, какая беда пьянство. Философы мысль растрясли и собрать не могут. Чины со степеней в грязь слетели. Крепкие стали дряблыми, надменные опали. Храбрые оплошали, богатые обнищали. Вняться надобно всякому мастеру, какова напасть – пьянство. Ум художному человеку губит, орудие портит, добытки теряет. Пьянство дом опустошит, промысел обгложет, семью по миру пустит, в долгах утопит. Пьянство у доброго мастера хитрость отымает, красоту ума закоптит. А что скажешь пьянство ум веселит, то коли бы так кнут веселит худую кобылу».

Как раз так, а не иначе рассуждала вся Русь! Но бесы в образе интеллигенции не были бы бесами, если бы согласились с «Устьянским правильником». Именно они, бесы, водят руками талантливых поэтов и тянут за язык известных лицедеев-актеров:

Водка, что ли, еще? И водка!
Спирт горячий, зеленый, злой!
Нас качало в пирушках вот как,
С боку на бок и с ног долой!

Другой поэт осмелился задать вопрос целой России:

...Почему сыны твои, Россия,
Больше всех на свете водку пьют? —

и сам же отвечает:

Не надо удивляться,
Наши деды по нужде, поверь,
Пили столько, что опохмеляться
Внукам их приходится теперь.

Увы, такому поэту верить нельзя, он пьющий! Как ловко свалил на дедов! Можно и не ходить на исповедь... Оба цитируемых поэта и все лицедеи принадлежат русской интеллигенции. Их деятельность известна всем, а вот «Устьянский правильник» упрятан был так плотно, что его и сейчас не найдешь. Спасибо покойному Борису Шергину, он вспомнил про опороченных пьяницами дедов.

Более пятнадцати лет тому назад автор этих строк в статье «Акциз» говорил, что вокруг каждого пьющего по мере его духовного и физического разложения всегда возникает опас-

ная зона. Поначалу родственники любят его, как и раньше. Затем начинают жалеть. Но порою жалость сменяется презрением и даже ненавистью. Жалость и ненависть в одном сердце! (Например, в сердце жены или сына.) Что может быть взрывоопаснее подобной смеси? Рано или поздно в таких сердцах происходит взрыв. Люди, близкие пьянице, и те, что около, жестоко страдают, приобретая физические болезни. А ему хоть бы что! Он даже не замечает, что родные вокруг него стали больными именно из-за него...

Кому не ясно, что зеленый змий вонзает свое жало прежде всего в семью? Но пьющие генералы и лейтенанты, пьющие депутаты и министры, пьющие врачи и банкиры не замечают этого именно потому, что они пьющие. Они никогда не защитят институт семьи. Жены и матери напрасно надеются на пьющих, потому что для пьющих не существует понятия личного греха пьянства.

Змий жалит безжалостно и беспощадно. Дерево зла, как пушкинский анчар, брызжет ядом. Через болезни, через спид, через наркотики сеет это дерево смерть в нашем народе. Его мощные отростелья раздваиваются, разветвляются на десятки и сотни более гибких, но таких же ядовитых ветвей – и каждую веточку бережно холят либералы и демократы, покорившие нашу прекрасную родину!

Но вот появились у народа такие подвижники, как академик Федор Углов, новосибирские профессора, такие совестливые борцы против змия, как Вл. Жданов. Деятели православной культуры, науки и экономики, искусства сомкнули ряды на основе православного христианства. Наши враги, конечно, сразу почувствовали опасность... Всколыхнулись все сатанинские силы, завопили все бесы, вплоть до Евтушенко: «Как? Новый год и без шампанского? Долой их всех, красно-коричневых заступников нравственности!» Все газетчики, все телевизионные оракулы просто взвились, завопили и завизжали. Дивно ли то, что о «сухом законе» 1916 года во время войны до сих пор мало кто знает. А если и знает, то не верит, что народ вводил этот закон повсеместно.

Уже при Горбачеве либеральная шпана превосходно знала, что Россия, обольщенная и покоренная бесами, нехотя прослужившая им лет сорок, может в любую минуту очнуться. Дьявольская задача была в том, чтобы не дать ей отрезветь. Ведь, очнувшись, народ снова будет служить Богу. Скрытые троцкисты и их новые последователи потому и подсунули народу горбачевский указ 1985 года. Народ уже открывал глаза на троцкистскую революцию, на масонов и мировой заговор против России. Не дать отрезветь до конца! Не позволить самим русским распоряжаться своей судьбой! Своей верой! Своими идеалами! И явилась тут так называемая перестройка. В этом был смысл и самого Горбачева, и его указа по борьбе с пьянством...

Горбачевские перестройщики – наследники Троцкого – сплывили государственную власть пьянчуге Ельцину, предали и продали все, что можно продать. И началась вакханалия, разруха. Началось еще большее государственное спаивание всего населения, «процесс пошел». Споели ельциноиды уже и многих женщин, даже они, женщины, вернее, многие из них, махнули рукой сами на себя... И война, и СПИД, и проституция, и бездарные генералы, и безработица, и секты, если говорить о религиозном сознании, – все связано, все выросло на дереве зла! Наркотикам дает дорогу дешевое молодежное пиво, безработица плодит новую безработицу, сидельцы-кабатчики плодят бандитов и думских сидельцев. В Федеральном Собрании много ли трезвенников?

Чтобы осмыслить все, что происходит в нашем Отечестве, надо прежде всего выбраться из безбожного электронно-мозгового телевизионного облучения. Выключи телевизор, если не можешь поставить телевидение на службу народу, а не против народа! Способны ли мы сделать это? Если судить по трем президентам, Федеральному Собранию, по депутатскому корпусу, то пока не способны. Бог пока не простил нас, слишком долго кланялись бесам, которые во плоти. Потому и послал Он нам испытания...

Окопы третьей Отечественной

Жутковато произносить эти слова, но их надо произносить снова и снова. Произносить открыто и честно: в России в разгаре третья Отечественная война. (ВОВ, как выражаются уцелевшие ветераны второй Отечественной в своих письмах и жалобах.)

Эта зловещая аббревиатура (3-я ВОВ) скользит пока по поверхности общественного сознания. Народ прячется от нее разными способами. Кто втягивает голову, как от летящего булыжника, кто нарочно подставляет ее под алкогольные еще более меткие удары.

Не очень-то прилично ссылаться на авторитеты, но, насколько я помню, впервые мысль о третьей Отечественной публично высказал академик И.Р. Шафаревич. Озвучена, как любят говорить депутаты, эта мысль кинорежиссером Антоном Васильевым в кинофильме «3-я Отечественная».

«Когда же она началась по вашему просвещенному мнению?» – ехидно спросит какой-нибудь демократ. Мне думается, началом ее можно назвать государственное предательство нашей незабвенной троицы: Горбачева, Шеварднадзе и Яковлева. (Впрочем, питерский кинокритик Марк Любомудров считает, что Отечественная война идет с 1917 года. При таком отсчете борьба России за выживание в 1941—1945 годах становится как бы частью общей полувековой борьбы.

Скорее всего так и есть.) Однако Великую Отечественную из истории не похеришь никакими ни патриотическими, ни демократическими чернилами.

Историкам давно бы пора разобраться в событиях российской истории хотя бы восьмидесятилетнего периода.¹

«Ну, а чем вы докажете, что третья Отечественная война уже идет? – снова скажет нынешний либерал или демократ. – Это бездоказательное заявление, а за слова надо нести ответственность...»

Господа либералы, демократы и благодушные патриоты, откройте же наконец глаза! Протрите их каждый своим знаменем, будь оно красным или белогвардейским, или триколором «незалежности»! Или вы нарочно закрываете свои очи, чтобы не краснеть от стыда? Распечатайте тогда хотя бы уши, заложенные густым враньем телевизионных оракулов.

Академик И. Р. Шафаревич называет нынешнее состояние России третьей Отечественной войной. Конечно, демократы, обладающие тотальной властью не только в нашей стране, а чуть ли не во всем мире, сделали все возможное, чтобы слова всемирно известного математика остались никому не известными.

Даже самый беспомощный лепет какой-нибудь демократии типа мадам Новодворской стремглав несколько раз облетает вокруг земного шара. Или взять худосочные мысли «специалиста» по правам человека, известного русофоба С. А. Ковалева. Этому в эфире зеленая улица и говорить позволено все, что взбрет в голову. (Не так давно, отвечая на вопросы Сванидзе, Ковалев назвал белорусского президента ничтожеством, т. е. приписал ему собственные свойства.) Девяностолетнему академику Лихачеву тоже почему-то разрешалось говорить не только на всю Россию, но и на весь мир, а вот Шафаревичу не разрешается.

Но ведь фигура умолчания сама по себе красноречива! Она бывает красноречивей вслух сказанного...

Все это уже давно ясно, и нечего сто раз про себя твердить, отчего так происходит. Но, может, в сто первый раз хоть кому-нибудь стоит напомнить, что цензура большевистская (сталинская) и цензура нынешняя (демократическая) это одно и то же – обе из одного корня,

---

¹ Мужественные попытки такого осмысления делает в своих работах К. Г. Мяло. Нынешние года она называет завершением т. н. «Петровского периода», увенчавшегося нашим государственным поражением («Москва», № 11, 96 г.).

из западного. Пожалуй, демократическая-то будет похитрее, поизощренней. Задушить правдивую информацию трудно, однако, возможно, если не с помощью автоматов, как это было у Останкина в 1993-м, то с помощью долларов или немецких марок, что и происходит.

Но не так уж сильна цензура, если академик все же сказал, а режиссер даже снял целый фильм, и многие люди смотрели этот фильм. (Я, например, видел эту ленту в Иркутске.)

Так почему же не бьют в набат наши новые и старые колокола? Почему не скачут нарочные по проселкам на взмыленных конях? Отчего вместо плаката «Родина-мать зовет!» на каждом шагу торчит реклама да еще и на чужом языке? Отчего пусто у подъездов областных и районных военкоматов? Ни очередей, ни женских слез, ни материнских, ни девичьих... Впрочем, слезы-то есть. Но есть и КСМ². Или Россия уже погибла, оставила только след по себе в газетных названиях?

Нет, Россия покамест жива... И русский народ сопротивляется очередному нашествию. Просто люди все еще не желают верить в то, что случилось. Они отмахиваются от слова «война», как от надоедливого комара. Не верят в эту военную действительность, боятся признаться, что надвигается катастрофа. Благостные иллюзии все еще витают над нашей страной. По-детски жмурятся люди, чтобы не видеть страшной картины. Другие более активны, пытаются бастовать, т. е. не ходить на работу и тыкать в буржуев портрет Ленина. Третьи уцепились за европейскую форму протеста – за голодовку. Четвертые пьют горькую либо вообще кончают самоубийством.

Этот последний способ совсем уж непостижим!³ Безденежный офицер, по праву закона обладающий оружием, вместо того, чтобы, защищая семью, стрелять во врага, стреляет в свой собственный висок. А дьявольский рык голосами журналистики внушает самоубийце: какой героический поступок, как это благородно, покончить с собой, как это мужественно... Выходят даже книги о способах самоубийств, и тут цензура бездействует, дескать, у нас свобода, каждый, дескать, имеет право добровольно уйти из жизни...

Какая чудовищная ложь! Недавно один известный писатель доказывал мне, что человек имеет право на самоубийство. Типичное мнение атеиста. Нынешняя патриотическая вроде бы «Правда» вещает, пропагандируя дьявольскую романтику: «Какая еще там жизнь? Он уже все решил, мгновенно пришло решение... С начинающим полетит. С начинающим станет прыгать. Но... камнем пойдет».

Вот и шел бы камнем сам автор повести «Рок» или сам журналист, и то это было бы величайшим грехом. С точки зрения православного русского они бы продали душу дьяволу. Настоящие русские даже хоронили самоубийц за пределами церковной ограды. В православном, т. е. в русском сознании, что убийца, что самоубийца, – одно и то же. Разницы нет!

Но вернемся к теме третьей Отечественной. Сколько времени она продлится? Ретроспекция здесь вполне уместна, поскольку речь идет о жизни и смерти Российского государства. Возможно, страшно сказать, третья Отечественная станет для России последней и гибельной. Возможно, мы снова устоим на ногах. Первая Отечественная продолжалась всего шесть месяцев. Вторая тянулась без мала четыре года. Сколько продлится третья – известно лишь Богу.

Но что такое Отечественная и что значит вообще война? Философский словарь под редакцией И. Розенталя (1975 год издания) от понятия Отечественная война демонстративно уклоняется, словно таких войн в природе никогда не существовало. Обычную войну фило-

---

² Еще одна аббревиатура, немислимая ни в первую Отечественную, ни во вторую. Комитеты солдатских матерей наводят на многие мысли.

³ «...Технологи холодной войны сумели, используя достижения психологии XX века... побудить страну в лице ее общественного мнения к прямой самосатанизации, к восприятию себя как олицетворения всемирного зла («империя зла»)» —пишет К. Г. Мяло. Она называет подобное действие «побуждением к самоубийству», если говорить о «межчеловеческих отношениях», и добавляет, что не видит «причины называть подобные действия в отношениях между странами иначе».

софы-марксисты трактуют как вооруженную борьбу между государствами или классами (государство уподоблено одному классу). Тем не менее, все войны марксисты подразделили на «справедливые» и «не справедливые». Они толкуют об агрессивной природе империализма и говорят о вечном мире, который наступит при коммунизме.

Что ж, спасибо и на том.

Советская историческая энциклопедия упомянутого словаря щедрее. Тут помимо набивших оскомину классовых противоречий можно уловить кое-что еще. Политическую, экономическую, идеологическую борьбу авторы считают составными частями борьбы вооруженной, т. е. войны. «Война есть испытание всех экономических и организационных сил нации», – цитируют марксисты В. И. Ленина, который, как известно, что было мочи старался перевести войну с Германией в войну гражданскую, т. е. способствовал не своей, а вражеской стороне. (Представим себе такого национального лидера во времена наполеоновского либо гитлеровского нашествия.)

Недавно я случайно познакомился с книгой Александра Ивановича Михайловского-Данилевского «Война 1812 года».

«Слыхали вы про такого историка?» – спросил я студентов, причастных к изучению российской истории. «Нет, – откровенно ответил один. – Впервые слышу». Второй молодой человек спросил: «Монархист? Я что-то читал о нем. А что?» —»Да так, ничего...» Мне расхотелось беседовать со студентами.

Но я вскоре завелся... Монархист ли историк А. И. Михайловский-Данилевский? Конечно. Кем же он должен был быть? Генерал-лейтенант, кутузовский, а позднее и царский адъютант. Не мог он был немонархистом, т. е. дурным по тогдашним понятиям человеком. Захотелось выяснить, что еще мог прочесть второй студент да и сам я в БСЭ про Михайловского-Данилевского – русского генерала, раненного под Тарутином, ставшего членом Академии наук и, как выяснилось, автора многих книг, по стилю мало уступающих карамзинским. Ко времени моего разговора со студентами я уже прочитал книгу Михайловского-Данилевского. (Читал я ее всегда перед сном, пока не уставали глаза. И можно сказать, три ночи совсем не спал. Не мог оторваться от книги.) Я взял с полки сразу две советских энциклопедии. Как прав был грибоедовский Фамусов, воскликнувший: «Все врут календари!» Конечно не все. Но кое-что явно врут не только календари, но и энциклопедии. БСЭ утверждает, например, что историк Михайловский-Данилевский «использовал обширный документальный и мемуарный материал, но подошел к нему некритически, ограничившись без какого-либо анализа военного искусства».

Государственным делом считал музыку Л. Н. Толстой. Циолковский писал в своих дневниках: «Музыка есть сильное возбуждение, могучее орудие, подобное медикаментам. Она может и отравлять и исцелять. Как медикаменты должны быть во власти специалистов, так и музыка».

Во многих странах введены либо вводятся государственные ограничения на музыкально-звуковую, обладающую наркотическим свойством обработку беззащитного подросткового сознания.

В нашей стране наоборот: идет активная пропаганда рока. Эта пропаганда прикрывается потребностями молодежи. Пока не вся молодежь попала в сети. И не все органы информации осмеливаются напрямую оправдывать новейшие нравственные и физиологические пороки, явившиеся в Россию за последнее десятилетие. Звучат косвенные оправдания, вроде того, что во всем виноваты взрослые, родители, создавшие целую систему лжи и неискренности. Следуя этой логике, если говорить о лжи и обмане, разве сами родители не были обмануты?.. Ведь и родители – это всего лишь вчерашние юноши и девушки. И потом, какой же смысл старшим обманывать собственных детей и внуков? Явно тут концы с концами не сходятся. А дело лишь в том, что версия о лживости родителей убивает сразу двух зайцев.

Во-первых, молодежь отделяется и затем противопоставляется обществу, во-вторых, маскируются истинные причины общественных неурядиц.

Все разглагольствования об отдельной, так называемой молодежной культуре, насквозь пропитаны демагогией. Когда общество раскроет глаза и поймет, наконец, чем грозит так называемая массовая культура, тогда меры запретительного характера станут неминуемы...

Можно ли назвать подобные необходимые меры покушением на права человека? Нет! «Музыкальный» король голый! Надо во всеуслышанье прямо сказать об этом....

Так хочется быть обманутым...

...к нему нашло доступ и побеседовало с ним лукавое слово; он сначала принял его внешним слухом, потом оно проникло в сердце его и объяло все его существо.

Из бесед св. Макария Великого

Нынешнее состояние Отечества нашего ужасно, а окружающий мир с каким-то непонятным злорадством наблюдает за стремительным и поспешным расчленением нашей еще недавно здоровой и мощной государственной плоти. Судя по прессе, десятки правительств и даже целые народы ждут не дождутся, когда Россия испустит, наконец, дух, разложится и станет политическим и экономическим перегибом для произрастания каких-то новых и, по их мнению, уже окончательных образований.

Подлость и предательство наших собственных постбольшевистских правителей по своим масштабам, конечно же, не уступают нахальству и разрушительной энергии западных премьеров, президентов и канцлеров. И тут ничего нет удивительного. Удивительно то благодушие, с коим европейские и не только европейские народы взирают на судороги нашей государственности. С горькой иронией наблюдали мы, как лидеры наши с супругами и в одиночку в Америку и Европу «на время приезжали» и как на бульварах Старого и Нового Света

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.